

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

Тихонов И. Л.

Археология в Императорском Эрмитаже

Резюме. В статье рассматривается история и пути формирования археологических коллекций, структура экспозиции археологических материалов в Императорском Эрмитаже в XVIII — начале XX в. С середины XIX в. музей становится крупнейшим и богатейшим хранилищем археологических коллекций в России. Археологические экспонаты занимают все больше места в его структуре и экспозиции. Но в экспозиции превалировал художественный подход, вещи выставлялись вне комплексов и вне культурно-исторической стратиграфии. В ней отсутствовал любой пояснительный материал, даже этикетки. Г. Е. Кизерицкий, возглавлявший Отделение древностей на рубеже XIX–XX вв., был не склонен к каким-либо переменам, которые начались только с приходом в отделение О. Ф. Вальдгауера и Е. М. Придика. Кардинальные изменения и в экспозиции, и в кадровом составе, и во всей организации научной и просветительской работы музея произошли только в 1920-е гг.

Ключевые слова: археология, Императорский Эрмитаж, археологические коллекции, музейная экспозиция.

Tikhonov I. L. Archaeology in the Imperial Hermitage. The paper deals with the history of formation of archaeological collections in the Imperial Hermitage in the XVIII — early XX century. Since the mid-XIX century the Hermitage has become the largest and richest repository of archaeological collections in Russia. However, while the archaeological exhibits have been acquiring ever-increasing importance in the museum structure and activity, the organization of most expositions was dominated by what may be called the artistic approach: archaeological objects were exhibited as if they were just pure art objects, with no attention paid to their historical and cultural context. They were not accompanied by labels or any explanatory materials at all. G. E. Kizeritsky, who headed the Department of Antiquities at the turn of the XIX–XX centuries, had little taste for innovation in this realm. It was only with the coming of O. F. Valdgauer and E. M. Pridik that real changes began. Radical transformations in the exposition, personnel composition, and in the organization of scientific and educational work in general took place only in the 1920-es.

Keywords: archaeology, Imperial Hermitage, archaeological collections, museum exhibition.

В 2014 г. исполняется 250 лет Государственному Эрмитажу — одному из крупнейших музеев мира. Императорский Эрмитаж уже в XIX в. становится наиболее богатым и значимым отечественным хранилищем археологических материалов, имеющим большое мировое значение.

1. Формирование коллекций

Начало формирования собрания древностей — антиков началось еще при Екатерине II, в самые первые годы истории Эрмитажа. Если коллекция картин Э. И. Гоцковского, считающаяся началом музейного собрания, была куплена в 1764 г., то уже через три года, в 1767 г., русскому поверенному в Венеции Маруцци было поручено приобрести в Италии античные памятники. Целую серию античных и египетских скульптур удалось приобрести в Риме и Неаполе И. И. Шувалову (Пиотровский 2000: 21, 129; Левинсон-Лессинг 1985: 94–96; Андросов 2011: 189–213). Императрица особенно увлекалась коллекционированием резных камней, и ее собрание насчитывало свыше 10 000 экземпляров, среди которых были и античные геммы, происходившие из различных раскопок и случайных находок. В 1785 г. была приобретена за 23 тыс. фунтов стерлингов коллекция древней скульптуры, собранная в Италии на протяжении многих лет английским банкиром Д. Лайд-Брауном и насчитывающая 260 предметов. Отдельные скульптуры покупались у семьи Лукателли в Риме, у Б. Кавачелли, Г. Гамильтона.

В середине 1770-х гг. в структуре эрмитажного собрания происходили перемены, связанные с выделением живописной и скульптурной коллекций. Все остальное, как писал в своем путеводителе по Санкт-Петербургу И. Г. Георги: «смотрение над книгохранилищами, собраниями геммов, монет, эстампов, **древностей** (выделено мною. — И. Т.), драгоценных и достопамятных вещей, произведений художеств и естества... препоручено надзору императорского унтер-библиотекаря... Лужкову» (Цит. по: Зимина 1989: 6–7).

Рис. 1. Е. Е. Келер, академик, хранитель (с 1798 г.), начальник I отделения Эрмитажа в 1805–1837 гг. Гравюра К. Я. Афанасьева по рисунку Ф. Крюгера. Ок. 1800 г.

Fig. 1. E. E. Keler, Academician, curator (since 1798), Head of the First Section of the Imperial Hermitage in 1805–1837. Engraving by K. Ya. Afanasiev after the drawing by F. Kruger. Approx. 1800.

Эрмитажные собрания древностей продолжали пополняться и при наследниках Екатерины II. В 1805 г. большую коллекцию античных гемм подарил Александру I дипломат Н. Ф. Хитрово, бывший представителем России во Флоренции, а в 1814 г. в качестве дара Александру I от Жозефины Богарне в Петербург прибыла будущая жемчужина музея — камень Гонзага (Неверов 1990: 172–173). Уже в конце XVIII в. Эрмитаж стал делиться на три части. Во главе Картинной галереи был поставлен художник Ф. И. Лабенский. Рисунки и эстампы получил в свое ведение архитектор В. Ф. Бренна. Библиотеку, резные камни и драгоценные вещи принял археолог Е. Е. Келер (рис. 1).

На тот момент археологическим древностям еще не придавали особого значения, и, естественно, особого

отделения для них не создавали. По «Положению, полагаемому к учреждению по Эрмитажу», подписанному Александром I в апреле 1805 г., музейные собрания были распределены между пятью отделениями, среди которых древности еще не выделялись. I отделение, к ведению которого относились библиотека, резные камни и медали, до 1837 г. возглавлял Е. Е. Келер. В составе I отделения насчитывалось 11 300 резных камней, 30 000 отпечатков с них, 15 000 монет и медалей, 40 000 книг, отдельная мраморная скульптура, мелкая пластика и восточные древности (Уткина 2003: 74). В помощь Келеру были определены «библиотечарский помощник и письмоводец для ведения каталогов». Но скульптуры, как древние, так и нового времени, кабинет редкостей, бронзы вместе с картинной галереей вошли во II отделение и находились в ведении Ф. И. Лабенского. Однако описание Эрмитажа, изданное в 1828 г. на французском языке в Берлине (Notice... 1828), показывает, что в первой четверти XIX в. древности, за исключением некоторого количества античных статуй, расставленных беспорядочно для украшения интерьеров, и коллекции резных камней, занимали до определенного времени ничтожное место в экспозиции придворного музея.

Коллекции I отделения постепенно пополнялись за счет даров и покупок. В 1805 г. поступили антики, собранные генерал-майором Хитрово «в чудесных краях». Их было предписано внести в каталог Эрмитажа, так же как и 21 предмет, полученный в 1816 г. в качестве подарка императору от греческого архимандрита Арсения (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1805 г. Л. 1.; Д. 3. 1816 г. Л. 4). Попадали в Эрмитаж археологические предметы из-за границы не только через покупки; так, в 1814 г. в каталог были внесены вещи, найденные в Швейцарии и «привезенные из последней кампании» (заграничного похода русской армии. — И. Т.) (Там же. Д. 3. 1814 г. Л. 3). С начала XIX столетия все больше находок поступало с территории Российской империи. «Ордер» Келеру в 1807 г. гласил: «Во исполнение Его Императорского Величества Повеления, препровождает при сем найденное в земле Тамбовской губернии в Шацком уезде литое изображение идола с надписью на манчжурском языке» (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1807 г. Л. 1). Такую находку, конечно же, уместнее было бы отправить в Кунсткамеру, но кто же будет спорить с императором! В конце 1829 г. поступили золотые предметы, найденные «в изломанном медном сосуде» при копании погребя в Киеве на Львовской улице. Келеру было предписано определить — к какому времени они принадлежат. Он предположил, что это фрагментированные остатки цепи митрополита или другого высокого духовного лица и датировал их временем до захвата Киева татаро-монголами (АГЭ Ф. 1. Оп. Д. 1. 1829 г. Л. 3). Но это все были случайные отдельные находки или дары. Изредка некоторые вещи изымались из Эрмитажа, так, в 1830 г. в Москву были отправлены великокняжеские бармы, найденные в 1822 г. на городище Старая Рязань (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. 1830 г. Д. 8. Л. 1).

Новый этап в собирании и экспонировании археологического материала начался после 1830 г., когда в кургане Куль-Оба были обнаружены уникальные скифские вещи. Керченские находки поступили в Эрмитаж 18 февраля 1831 г. и были выставлены в Мальмезонской галерее, где их осмотрел сам Николай I. Мальмезонской галереей в то время называли Северный кабинет второго этажа Малого Эрмитажа, поскольку там были размещены картины из

Мальмезонского дворца в Париже. Сокровища из Керчи, равных которым не было ни в одном из европейских музеев, настолько заинтересовали царя, что он повелел продолжать раскопки и выделил на их проведение ежегодные денежные средства из своего Кабинета. Последовало также распоряжение императора передать в Эрмитаж из Публичной библиотеки древности, найденные в гробнице близ Фанагорийской крепости в 1817 г., «и хранить их с прочими подобными вещами в особой комнате» (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 14. Л.1).

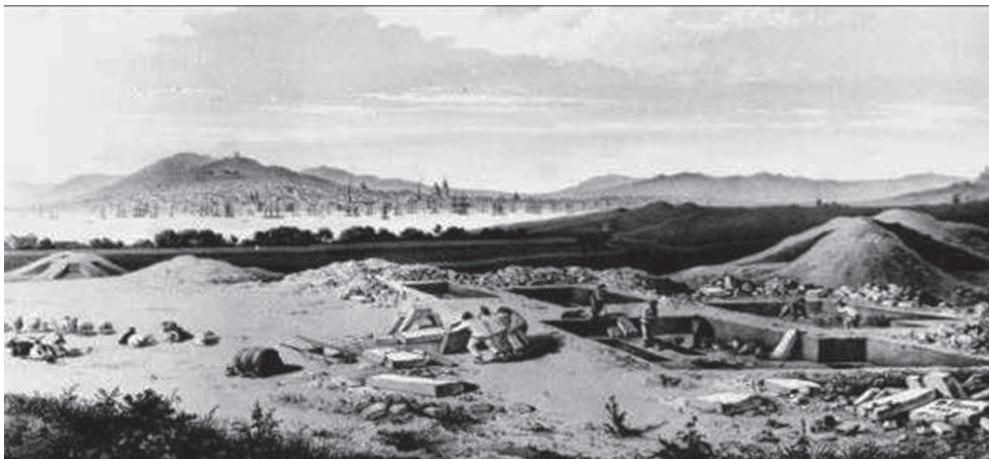

Рис. 2. Раскопки в окрестностях Керчи.

Fig. 2. Excavations in the environs of Kerch.

С 1831 г. начинают ежегодно поступать находки из раскопок Д. В. Карейши, а с 1833 г. из раскопок директора Керченского музея А. Б. Ашика (рис. 2). Только в 1834 г. из Керчи поступило в музей около 1000 вещей (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Л. 214, 231, 233, 243, 257). Находки осматривались лично императором, который указывал, куда передавать их на хранение. Кроме самих вещей, в Петербург присылаются рапорты и отчеты археологов о работах, которые рассматривают президент Академии художеств А. Н. Оленин и заведующий I отделением Эрмитажа Е. Е. Келер. Последнему же было поручено составление научного описания найденных древностей, которые до открытия публичного музея хранились в Мальмезонской галерее и Овальном кабинете (Тункина 2002: 166, 180–188). Количество находок за десятилетие возросло настолько, что у Ф. А. Жилия (рис. 3), возглавившего I отделение с 1840 г., уже на следующий год возник замысел издания, содержащего рисунки и описания керченских древностей, хранящихся в Эрмитаже. Хотя реализовать эту идею удалось только более чем через десятилетие, тем не менее, уже в 1840-е гг. археологическая коллекция Императорского музея приобретает особое значение, становясь своего рода его визитной карточкой. Во всяком случае, Жиль, отправляясь в заграничную поездку для посещения крупнейших европейских музеев, берет с собой именно гальванопластические оттиски находок из керченских погребений, в частности с куль-обинской вазы и черниговской гривны,

т. е. то, что могло, по его мнению, «заинтересовать художественные круги знатоков» (Павлова 2010: 106). И он не ошибся в своем выборе, сообщая в письмах к министру двора П. М. Волконскому: «Наш музей золотых предметов из Керчи единственное такого рода богатство в Европе. Это — гордость Эрмитажа. Ни музей Бурбон, ни Григорианский музей, ни коллекция Кампана, за исключением 2–3 великолепных вещей, не представляют такого собрания, как скифские вазы, золотые серьги, массивные короны... Наша скифская ваза и рисунки некоторых из наших подлинных “бриллиантов”, произвели в Риме такое же впечатление, как в Париже и Лондоне» (Там же: 112). Привезенные копии вызвали такой интерес, что в Италии и Берлине были устроены специальные выставки, а в Париже, Лондоне, Риме и Турине руководителю I отделения Эрмитажа пришлось выступить со специальными сообщениями об археологических открытиях в Керчи.

Еще одним катализатором, заметно подстегнувшим процесс формирования археологических коллекций в музее, стала подготовка к открытию Нового Эрмитажа, который был задуман в 1839 г. и проектировался как специальное музейное здание (рис. 4). Причем в отличие от прежних времен, когда главенствующее положение занимали картинная галерея, резные камни и драгоценности, Новый Эрмитаж, по примеру крупнейших музеев Европы, должен был формироваться как музей искусства и археологии (Пиотровский 2000: 51).

В 1852 г. — в год открытия Нового Эрмитажа для публики — были приобретены 54 древние скульптуры, более 220 ваз, многочисленные бронзовые предметы из коллекции графа И. С. Лавалья и коллекция скульптуры Демидовых, насчитывающая 24 произведения античного искусства, в том числе 16 статуй (Керр 1899: 14). Обе эти покупки обошлись Николаю I в 132,5 тыс. руб. (Неверов 1990: 173). Последовало новое распоряжение императора о выставлении древностей из Публичной библиотеки на «Высочайшее обозрение» в зале № XVII Нового Эрмитажа. В итоге большая часть предметов поступила в Эрмитаж, 14 вещей — в Царскосельский арсенал, 28 — в Гатчинский дворец и 64 — в Оружейную палату в Москве. Необходимо отметить, что среди эрмитажных новоприобретений, отправленных в I отделение, были «чудские древности» из Сибири, включающие в себя каменные орудия, медные инструменты и изделия, предметы конской упряжи и оружие (АГЭ Ф.1. Оп.1. 1852 г. Д. 13. Л. 1–21). Это едва ли не первый зафиксированный случай поступления в Эрми-

Рис. 3. Ф. А. Жиль, начальник I отделения Эрмитажа в 1840–1863 гг.

Fig. 3. F. A. Gilles, Head of the First Section of the Imperial Hermitage in 1840–1863.

Рис. 4. Новый Эрмитаж. Л. Премацци. акварель, 1861 г.

Fig. 4. The New Hermitage Building. L. Premazzi, watercolor, 1861.

таж предметов каменного века. В дальнейшем музей, как правило, отказывался брать подобные находки.

В 1857 г. в Эрмитаж поступили золотые серьги и серебряные браслеты, найденные в 1847 г. в Киеве близ Десятинной церкви (Там же. 1857 г. Д. 23. Л. 1–3). Была получена и большая коллекция золотоордынских древностей из раскопок А. В. Терещенко на месте Сарай-Берке. В 1850 г. император после осмотра находок из Сарая повелел «определить особый шкаф в Императорском музее» и поместить туда же вещи, ранее переданные в Академию наук и Оружейную палату (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 14). Золотоордынские вещи были одними из немногих экспонатов не античной эпохи, занявших свое место в экспозиции уже в середине XIX в. Еще довольно долгое время причерноморские древности занимали господствующее положение в экспозиции музея.

Многие поступления связаны с именем графа Л. А. Перовского, создавшего в рамках МВД группу «чиновников по археологической части» (ИАК 2009: 28–30). В первой половине 1850-х гг. в Эрмитаж поступали многочисленные находки из раскопок, которые проводились под его патронажем на Тамани, в Феодосии, Херсонесе, Недвиговке (Власова 2003: 82). Так, в 1852 г. поступило 7 ящиков, содержащих более полутора сотен предметов древности. Существенно отметить, что вместе с этими находками в музей были присланы журналы раскопок и чертежи, «из которых видно в каком положении находились древности» (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. 1852 г. Д. 30. Л. 26). К сожалению, в дальнейшем, до конца XIX в. подобные графические или текстовые материалы почти никогда не сопровождали находки. Это не позволяло отразить в экспозиции контекст, в котором вещи были найдены. Впрочем, в то время подобная задача еще и не ставилась экспозиционерами. В 1858 г. собранную министром коллекцию

керченских древностей из 83 предметов передал его брат, Б. А. Перовский (Там же. 1858 г. Д. 12). Ранее Л. А. Перовский передал в дар музею 131 предмет из раскопок Танаиса, 6 ящиков ассирийских древностей, найденных при раскопках Вавилона, Ниневии, Персеполиса (Там же. Л. 41–43; 84–86).

Продолжалось поступление древностей и из-за границы. В 1845 г. Николай I почти целый день провел на раскопках Помпей, и ему были преподнесены неаполитанским королем в дар все предметы, найденные в этот день в присутствии коронованных особ. Среди этой коллекции, поступившей в Императорский Эрмитаж, особым шедевром являлся бронзовый бюстик юного Калигулы, служивший гирей

Рис. 5. Весы, найденные в Помпеях в присутствии Николая I и переданные в Эрмитаж.

Fig. 5. Scales found in Pompeii in presence of Nicholas I and presented to the Hermitage.

ручных весов (рис. 5). Еще одна коллекция вещей, включающая в себя 54 номера из Помпей, была найдена там в присутствии императрицы Александры Федоровны. Эта коллекция поступила в музей в 1852 г. из ее дворца в Знаменке (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. 1852 г. Л. 1–5). Приобретенный лично царем участок земли для раскопок в Риме на Палатинском холме был уступлен в 1851 г. папскому правительству за несколько античных статуй, бюстов и барельефов, также поступивших в Эрмитаж (Императорский Эрмитаж 1880: 13). В 1852 г. коллекцию из 20 помпеянских и 35 древнеегипетских вещей Эрмитажу подарил зять царя, председатель Русского археологического общества — герцог М. Лейхтенбергский. Среди последних были саркофаги членов семьи царя Амасиса, найденные герцогом во время самостоятельных раскопок «между Сфинксом и Великой пирамидой». Они сразу же были выставлены в экспозиции Нового Эрмитажа (рис. 6) и до сих пор встречают посетителей, входящих в зал, посвященный Древнему Египту. В том же 1852 г. поступили вещи из раскопок Помпей и Геркуланума от великих князей Николая и Михаила Николаевича (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. 1852–1853 гг. Д. 25; Д. 34). К открытию Нового Эрмитажа из Академии художеств была переведена коллекция, состоящая из более чем 1000 античных ваз, множества терракот и бронзовых вещей, купленная в 1834 г. у римского антиквара Пиццати.

В 1850-е гг. заметно активизировала свою деятельность «Римская археологическая комиссия», созданная при Академии художеств десятилетием ранее «для приискания древностей». С. А. Гедеонов (рис. 7), назначенный с 1850 г. помощником ее заведующего — князя Г. П. Волконского, уже на следующий год сумел сделать ценные приобретения в скульптурных собраниях Венеции. В 1861 г. Гедеонов был назначен заведующим Римской археологической комиссией и тогда же им было сделано самое крупное заграничное приобретение

Рис. 6. Кабинет египетской скульптуры. К. А. Ухтомский, акварель, 1858 г.

Fig. 6. Cabinet of Egyptian Sculpture. K. A. Ukhtomsky, watercolor, 1858.

Эрмитажа в области древностей — часть, причем лучшая, собрания маркиза Д. Кампана в Риме. По поводу количества этих предметов, пополнивших Императорский Эрмитаж, есть расхождения. Цифру в 600 вещей называет О. Я. Неверов (Неверов 1990: 175), 787 предметов указывал Б. Б. Пиотровский (Эрмитаж 1981: 67). Между тем, в путеводителе А. К. Керра приводятся данные о количестве предметов в собрании по отдельным категориям вещей: 43 античные статуи, 27 бюстов, несколько барельефов и саркофагов, 542 вазы и 137 предметов из бронзы (Kerr 1899: 17). Подсчет показывает более 749 предметов, что оказывается весьма близким к сведениям Б. Б. Пиотровского.

Приобретение коллекции Кампана значительно обогатило эрмитажные собрания античных памятников, сразу выдвинув его на заметное место среди других европейских музеев, хранящих наследие античной цивилизации (Неверов 1990: 176). Литератор Д. В. Григорович в своей книжке «Прогулка по Эрмитажу» в 1865 г. писал: «Я помню еще очень хорошо, когда собрание Эрмитажа помещалось в залах старого здания; главную роль играли картины; античных предметов было так мало, что они не составляли даже особого отдела. Теперь антикам тесно в обширных залах нижнего этажа, нарочно для них устроенных» (Цит. по: Пиотровский 2000: 51).

Археологическая комиссия, которая с 1860-х гг. стала основным «поставщиком древностей» для Эрмитажа, нередко приобретала за счет своего бюджета отдельные находки, клады и целые коллекции специально для музея. Так, например, в 1889 г. была приобретена коллекция кавказских бронз коллежского советника К. И. Ольшевского, за которую комиссия заплатила 10 тыс. руб. И. Г. Спасский в своем очерке по истории нумизматического собрания Эрмитажа особо отмечал, что «во второй половине столетия пополнение нумизматической коллекции Эрмитажа приобрело небывалый размах в связи с успешно развивающейся деятельностью Археологической комиссии, взявшей после 1859 г. в свои руки учет монетных находок в стране. Каждая монета и каждый клад, доставленные в комиссию, предлагались Эрмитажу» (Спасский 1970: 160) (рис. 8).

Музей мог покупать археологические находки и без посредничества Археологической комиссии. По смете расходов еще с 1880-х гг. музею полагалось всего 5 тыс. руб. в год на приобретение новых экспонатов для всех отделений.

Рис. 7. С. А. Гедеонов, с 1861 г. заведующий Римской археологической комиссией, в 1863–1878 г. первый директор Императорского Эрмитажа.

Fig. 7. S. A. Gedeonov, Head of the Roman Archaeological Commission since 1861, the first director of the Imperial Hermitage in 1863–1878.

Рис. 8. Выставка Императорской археологической комиссии в залах Эрмитажа. 1886 г.

Fig. 8. Exhibition of Imperial Archaeological Commission in the Hermitage. 1886.

Конечно, это была очень небольшая сумма, что давало повод советским исследователям истории Эрмитажа писать о ее ничтожности, подчеркивая, что это было в 16 раз меньше соответствующей статьи расходов Лувра и в 50 раз меньше Британского музея (Варшавский, Рест 1939: 176). Но они не учитывали обстоятельства, что, в отличие от Лувра и Британского музея, которые должны были жестко придерживаться своих смет, Императорский Эрмитаж периодически получал от министерства двора значительные сверхсметные ассигнования на приобретение древностей. Так, еще в 1867 г. за 5 тыс. руб. серебром было приобретено собрание ольвийских древностей у графини Кушелевой (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 13. 1867 г. Л. 9, 10, 12).

После покупки коллекции Кампана самыми крупными приобретениями Эрмитажа по части древностей стали собрание терракотовых статуэток, собранных в Греции российским послом П. А. Сабуровым, и парижская коллекция А. П. Базилевского. В 1884 г. 233 статуэтки были приобретены за 100 тыс. руб., а на следующий год собрание Базилевского за 7 млн франков. В мае 1886 г. «танагрятки» уже были выставлены в экспозиции музея, а вторая коллекция положила начало новому отделению Эрмитажа — Отделению прикладного искусства Средневековья и эпохи Возрождения (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 13. 1884 г. Л. 83; Пиотровский 2000: 54). В 1886 г. за 800 тыс. руб. был приобретен «Голицынский музей», включающий в себя, помимо художественных собраний, также и древности (Обзор деятельности 1901: 15; Бильвина 2007: 251–255). В 1888 г. была куплена коллекция графа А. Д. Блудова, включающая в себя около 110 различных памятников греческого искусства: мраморную скульптуру, мелкую пластику из бронзы, серебра, слоновой кости, 43 терракоты, сосуды из стекла

и алебастра, предметы быта, в частности, глиняные и бронзовые светильники, более 30 краснофигурных и чернофигурных ваз (Бильвина 2007. С. 114–115).

В 1890 г. старший хранитель Отделения древностей Г. Е. Кизерицкий обращался к директору С. Н. Трубецкому с предложением о покупке части коллекции керченского мещанина Е. Р. Запорожского, собранной на Керченском и Таманском полуостровах: «По выбору, сделанному мною, этих древностей, оказалось 68 предметов, которые не только сами по себе заслуживают внимание с точки зрения науки, но и типы которых доньше еще не существовали в коллекции керченских древностей Императорского Эрмитажа. Требуемая цена 1000 руб. не высокая в сравнении с важностью вещей и вследствие того смею всепокорнейшее просить Ваше Сиятельство исходатайствовать у Его Сиятельства господина министра разрешение на покупку этих вещей» (АГЭ Ф. 1. оп. 5. Д. 31. 1890 г. Л. 1). В 1893 г. Кизерицкий ходатайствовал о покупке коллекции Лемме в Одессе, имеющей в своем составе 200 ювелирных украшений, 12 бронзовых статуэток, 180 стеклянных предметов, 32 камеи и 220 резаных камней, 200 расписных ваз и т. д. (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 42. 1890 г. Л. 29). В 1897 г. он также ходатайствовал о приобретении у М. Сиваджана из Парижа коллекции вавилонских и афинских древностей за 6500 руб. и коллекции резных камней и предметов из бронзы, терракоты, камня, собранной Н. П. Петровским — российским консулом в Кашгаре, за 4 тыс. руб. (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 8. 1897 г. Л. 159–163; 170).

В 1900 г. за 15 тыс. руб. была приобретена коллекция керченских древностей дворянина А. В. Новикова — владельца имения в с. Эльтиген. Самой интересной частью этого собрания являлись аттические краснофигурные сосуды IV в. до н. э. с необычным декором, получившие от А. Фурвенглера название «керченских» (АГЭ Ф. 1 Оп. 5. Д. 1 5. 1900 г. Л. 69, 148; Арсентьева 2001: 182). За 3371 руб. 70 коп. были приобретены древние вещи из Ольвии у одесского купца Г. Калло (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 34. 1901 г. Л. 22). Из крупных покупок этого времени надо отметить приобретение 24 этрусских ваз из коллекции бывшего министра финансов А. А. Абаза за 8 тыс. руб. (АГЭ Ф. 1 Оп. 5. Д. 15. 1901 г. Л. 2, 4–6). В 1909 г. Шериф Осман Нури, проживающий в Лондоне, продал Отделению древностей 12 предметов за 600 руб., а некто Квашонкин за 100 руб. продал средневековому отделению 80 предметов древности, найденные при случайных раскопках на Рюриковом городище под Новгородом (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 7. 1909 г. Л. 14, 84).

Покупал музей археологические вещи и у профессиональных торговцев древностями; так, в 1912–1914 гг. несколько стеклянных и терракотовых вещей были приобретены у одесского торговца древностями Ш. Гохмана за 288 руб., египетские вазы и коптские тарелки у петербургского антиквара А. Эльтермана (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 8. 1912 г. Л. 9–12; Д. 11. 1914 г. Л. 125). Здесь была определенная опасность приобретения подделок, но таких громких и скандальных историй, как покупка Лувром «тиары Сайтоферна», в Императорском Эрмитаже не было. Кстати, любопытно отметить, что руководитель Отделения древностей Г. Е. Кизерицкий примыкал к тем специалистам, которые, вопреки мнению большинства русских ученых, отстаивали подлинность тиары (Половцов 1904: 24).

После 1901 г. крупных покупок археологических предметов уже не было. Министрство двора было не готово выделять значительные суммы, а император

Николай II, в отличие от своих предшественников, не проявлял большой заботы о пополнении Эрмитажа. Граф Д. И. Толстой в своих мемуарах вспоминал, что сумма в 10 тыс. руб. в год, выделяемая для новых приобретений музея, была явно недостаточной для серьезного пополнения других частей его собраний и «только отдел древностей... получал довольно аккуратно через Археологическую комиссию почти ежегодно новые обогащения» (Толстой 2003: 31). В качестве подтверждения можно привести данные по расходам музея за 1903 г. Для Отделения древностей были куплены за 1500 руб. несколько вещей и 5 расписных ваз в Греции, статуэтки из Ольвии за 100 руб., стеклянный сосуд за 100 руб., три древние камеи за 60 руб., бронзовый топорик и вещи из Каргополя за 20 руб. Общая сумма покупки составила 1787 руб. 60 коп. Для сравнения можно указать, что для Отделения живописи было потрачено 1727 руб., а для Отделения Средних веков и Возрождения всего 127 руб. 50 коп. Зато приобретения для Галереи драгоценностей обошлись в 10 тыс. руб.! (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 32. 1903 г. Л. 23–25).

Еще одной из причин сокращения в начале XX в. покупок древностей, особенно происходящих с территории Российской империи, было осознание русскими археологами научной ущербности коллекций, составленных из случайных находок. Так, в 1905 г. комиссия под председательством директора Эрмитажа И. А. Всеволожского, состоящая из председателя ИАК графа А. А. Бобринского, вице-президента Академии художеств графа И. И. Толстого, академика М. П. Боткина, хранителя Эрмитажа Я. И. Смирнова, отклонила предложение проживающего в Николаеве германского подданного А. Фогеля о приобретении у него за 60 тыс. руб. коллекции южнорусских древностей из Ольвии и Березани. Комиссия посчитала, «что ассигнование столь значительной суммы, при тех же условиях рассрочки, на усиление производимых в Южной России научных раскопок даст более значительные результаты как в чисто научном интересе, так и по количеству древностей и наконец, по полной достоверности их происхождения» (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 30. 1902 г. Л. 73).

Среди наиболее крупных покупок этого времени можно отметить самостоятельное приобретение музеем у торгового агента в Бухаре Я. Я. Лютша 52 предметов из глины, слоновой кости, халцедона, бронзы и камня за 500 руб. (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 7. 1905 г. Л. 10–13). Через Археологическую комиссию музей приобрел коллекцию золотых и серебряных вещей у Ф. Г. Карасева за 1500 руб., набор золотых украшений из Керчи у И. А. Терицкого за 1000 руб. и древности римского времени, найденные в Кутаисской губернии, за 2200 руб. (АГЭ Ф. 1. Д. 29. 1906 г. Л. 25; Д. 37. 1909 г. Л. 23). В 1910 г. Эрмитажу была предложена большая коллекция ювелирных украшений античной эпохи, собранная российским дипломатом А. И. Нелидовым. В конце 1913 г. ее привезли в Петербург и по приказанию Николая II разместили в Малом Эрмитаже, но до 1917 г. музей так и не купил это собрание.

Нередко хранители музея Г. Е. Кизерицкий, Я. И. Смирнов, А. А. Кунин, Э. Э. Ленц приобретали древности за свои средства, а потом получали возмещение из кассы министерства. Часто вещи из драгоценных металлов покупались по их стоимости, во всяком случае, еще в 1878 г. С. А. Гедеев разъяснял вдове генерал-лейтенанта Мироновой из Керчи, предложившей два золотых головных убора (диадемы?), что «Эрмитаж приобретает подобного рода серебряные и золотые предметы древности лишь за двойную стоимость металла. Если

такие предметы представляют особый интерес в археологическом отношении и находятся в хорошей сохранности, платят тройную стоимость металла» (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. 1878 г. Д. 1 Л. 21). Часто хранители музея безуспешно пытались снизить цену предлагаемых вещей, так, например, крестьянину Деревянкину, нашедшему терракотовую статуэтку в Парутино и предлагавшему ее к продаже за 500 руб., Кизерицкий предлагал дать не более 45 руб. (АГЭ Ф. 5. Д. 15. 1900 г. Л. 46). А Я. И. Смирнов, оценивая бронзовую бляху, найденную в Саратовской губернии, предлагал выплатить находчику 25 руб., повышая сумму в случае неговорчивости, до 100 руб. В итоге купили за 50 руб. (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 11. 1914 г. Л. 72, 77). В 1893 г. при покупке коллекции керченских древностей купца Ю. Х. Лемме Кизерицкий сумел снизить ее стоимость с 60 тыс. руб. до 35 тыс. руб. (Там же. Д. 11. 1893 г. Л. 8), в другом случае по поводу покупки коллекции афинских древностей он прямо писал: «Требуемую владельцем цену в 7000 руб. мне удалось понизить до 3000 руб.» (Там же. Д. 34. 1901 г. Л. 1об.).

Бывало, из Министерства двора следовали необоснованные отказы в приобретении тех или иных вещей и целых коллекций. Подобная история произошла с коллекцией капитана Е. А. Шуманского, когда после полутора лет переговоров о приобретении коллекции последовал отказ из Министерства императорского двора с ссылкой на решение императора. Причем существенно заметить, что вопрос о покупке этой коллекции рассматривался специально созданной комиссией и мнения ее членов разделились, притом что большинство в лице И. А. Всеволожского, Г. Е. Кизерицкого и А. А. Бобринского высказались за ее приобретение. Против проголосовали только И. И. Толстой и М. П. Боткин. В итоге, возмущенный длительной проволочкой и понесенными убытками владелец коллекции даже собирался подавать в суд на императорский музей (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 42. 1890 г. Л. 14, 21).

Бывали неудачи и в попытках приобретения древностей за границей. В этом отношении показательна история с сорвавшейся покупкой большой коллекции, собранной американским консулом на Кипре генералом Л. Чеснолой. В апреле 1870 г. директор Эрмитажа, вследствие рапорта Л. Э. Стефани, обращался к министру Императорского двора В. Ф. Адлербергу с предложением о покупке коллекции за 20 тыс. руб. с уплатой в рассрочку в течение четырех лет. Для ведения переговоров на Кипр был отправлен помощник хранителя древностей Эрмитажа И. Д. Дель, который в августе этого же года сообщал, что приобретение всей коллекции представляется ему нецелесообразным, поскольку в ней очень много одинаковых вещей, а владелец запрашивает цену в 68 тыс. руб. за все, отказываясь уступить часть за 20 тыс. Узнав об этом, император распорядился отменить эту покупку (АГЭ Ф. 1 Оп. 5. 1870 г. Д. 17. Л. 1–22). В итоге коллекция Чеснола была куплена банком Моргана для «Метрополитен» — музея в Нью-Йорке за 110 тыс. долл.

Помимо покупок музей мог получать некоторые археологические находки в качестве даров. Но и в случае безвозмездного пожертвования древностей требовалось «Высочайшее соизволение» на их принятие в Отделение древностей. Так, в 1898 г. Г. Е. Кизерицкий возбуждал ходатайство о получении такого соизволения в связи с обращением дворянки В. В. Каменской о принесении в дар вещей из кургана в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 15. 1898 г. Л. 150–154). Ситуация не изменилась и через десять

лет — в 1908 г. директор музея по представлению хранителя Е. М. Придика запрашивал министра двора о получении такого разрешения на принятие в дар от члена Археологической комиссии Б. В. Фармаковского двух белых греческих лекифов. Подобное «соизволение» требовалось даже тогда, когда о передаче в музей клада, найденного в Твери, ходатайствовал президент Академии наук и Русского археологического общества великий князь Константин Константинович, приходившийся двоюродным дядей императору Николаю II (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 8. 1908 г. Л. 33, 60).

Одним из основных источников пополнения музея археологическим материалом после 1859 г. — создания Императорской Археологической комиссии — становятся артефакты из организованных ею раскопок или попавших в ее ведение коллекций. В Положении об Археологической комиссии имелся специальный параграф, который гласил: «Замечательнейшие из вещей, открываемых Комиссией или поступающих в нее, представляются на воззрение государя императора и, с соизволения его императорского величества, помещаются в императорский музей Эрмитаж или в другие высочайше назначенные места» (ИАК 2009: 11). Автор одного из первых сводов по истории отечественной археологии С. А. Жебелев характеризовал первоначальные цели работы Археологической комиссии весьма категорично: «Пополнение Эрмитажа стояло, несомненно, на первом плане деятельности Комиссии» (Жебелев 1923: 112). Для иллюстрации преобладающего числа поступлений из Археологической комиссии можно привести данные 1895 г., когда Эрмитаж получил из Археологической комиссии 230 предметов, а покупкою приобрел только 17 (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. 1896 г. Л. 21). Примерно таким же это соотношение было и в другие годы.

Археологическая комиссия со второй половины 1880-х гг. передавала отдельные находки, клады и целые коллекции не только в Отделение древностей, но также и в средневековое отделение. Только в 1892–1894 гг. туда поступило свыше сотни находок из Херсонеса; находки из могильников Витебской губернии, в том числе 84 предмета из знаменитого Люцинского могильника; 29 предметов, найденных в 1888 г. при работах на форте близ м. Бакшишека Сувалкской губернии; серебряные серьги, бусы, подвески, браслеты, найденные в 1893 г. в Киеве на ул. Мало-Владимирской и Сретенской; и другие археологические материалы (АГЭ Ф. 1 Оп. 5. Д. 34. 1892 г. Л. 2–39). На рубеже веков в Отделение Средних веков и эпохи Возрождения поступали коллекции находок из раскопок Н. Я. Марра в Ани и В. В. Бартольда на Афрасиабе (Банк 1960: 8). В марте 1913 г. хранитель средневекового отделения Я. И. Смирнов докладывал директору музея, что, осмотрев выставку в Археологической комиссии, он наметил для своего отделения вещи из серии кладов, найденных в Киеве, Ярославской, Пермской, Витебской, Эстляндской губерниях, на Мангупе, Тамани, а также отдельные находки и часть Перещепинского клада, купленную у Б. И. Ханенко (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. 1914 г. Л. 34–35об). Даже в бурные последние месяцы 1917 г. Археологическая комиссия продолжала передавать в Средневековое отделение Эрмитажа археологические находки из Нальчика (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. (Ч. II). Д. 28 (39). 1918 г. Л. 17, 18).

После выхода Высочайшего Повеления 11 марта 1889 г., наделившего Археологическую комиссию правом разрешения раскопок на всех не частных

землях, 15 декабря 1889 г. в ИАК прошло своеобразное «музейное совещание» с представителями Эрмитажа, который представлял временный заведующий С. Н. Трубецкой, и Исторического музея, от которого присутствовал А. В. Орешников. Здесь была предпринята попытка согласовать принципы распределения археологических находок между двумя главными музеями Российской империи. Соглашение предусматривало приоритет Эрмитажа в получении предметов, имеющих художественное значение, а также памятников отечественной древности, важных для истории искусства. Из числа предметов, поступающих в Эрмитаж, совершенно исключались предметы «каменного периода». При обсуждении судьбы тождественных предметов оба музея должны были предоставить веские обоснования для их получения. Эрмитажу также отводился месячный срок на выбор монетных кладов для своих коллекций, с чем впоследствии совершенно не согласился Исторический музей. Во избежание конкуренции в приобретении коллекций и «набивания» цены со стороны продавца предполагалось, что определение стоимости вещей поручается ИАК. Право на издание находок в течение пяти лет сохранялось за исследователем, и если кто-либо желал опубликовать вещи ранее этого срока, он должен был обращаться в Комиссию. На совещании прозвучало предложение об увеличении средств ИАК, выделяемых на приобретение кладов и археологических находок. Однако 28 февраля 1891 г. в Комиссию было отправлено письмо одного из руководителей Исторического музея И. Е. Забелина, выступавшего против «разбазаривания» курганных коллекций, претендовавшего на приоритетное право в получение его музеем предметов русской старины и выступавшего против некоторых эрмитажных привилегий. В результате в связи с позицией Исторического музея данное соглашение так никогда и не было утверждено (ИАК 2009: 128).

Между тем императорский музей всегда ревниво оберегал свое право «первого выбора» древностей, добытых Археологической комиссией. На рубеже веков Г. Е. Кизерицкий требовал приостановить отправку в Исторический музей в Москву древностей из раскопок А. А. Спицына 1897 г. в Екатеринославской губернии и Ф. А. Брауна 1898 г. в Таврической губернии, поскольку они не были осмотрены им (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 42. 1890 г. Л. 25). Еще более показательная в этом отношении история произошла в связи с распределением находок из кургана Солоха. Товарищ председателя Исторического музея князь Щербатов через председателя музея великого князя Михаила Александровича обратился с ходатайством к императору о передаче в московский музей всего комплекса царского скифского погребения, открытого Н. И. Веселовским в 1913 г., а также Аккерманского и Ярославского кладов. Император наложил резолюцию «Если Эрмитажу не нужно, можно передать в исторический музей в Москве». Но тут последовало письмо директора Эрмитажа графа Д. И. Толстого, в котором доказывалась необходимость этого уникального комплекса для Эрмитажа. По поводу Ярославского клада серебряных кубков и ковшей XV–XVI вв. в письме говорилось об уместности передачи его в Москву. Вскоре последовал ответ от министра двора, сообщавший монаршую волю — и то и другое поступало в Эрмитаж (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. 1914 г. Л. 1, 14).

Собственных археологических экспедиций для пополнения своих коллекций Эрмитаж не организовывал не только до 1917 г., но и позднее. Свои экспедиции

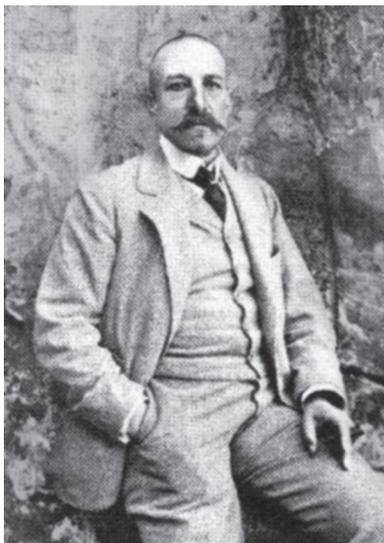

Рис. 9. В. Г. Бок, хранитель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения в 1886–1899 гг.

Fig. 9. V. G. Bok, curator of the Department of the Middle Ages and the Renaissance in 1886–1899.

у музея появились только в 1930-е гг., после преобразования отдела древностей (Грач, Маршак, Щукин 1989: 3). Во-первых, в бюджете музея не было предусмотрено соответствующей статьи расходов, и тратить на раскопки и так скудные средства, предназначенные для покупки новых экспонатов, никто бы не стал. Во-вторых, в этом и не было особой необходимости, поскольку музей пользовался правом приоритета в отборе любых интересующих его археологических материалов, поступающих в Императорскую Археологическую комиссию. Одним из немногих исключений была экспедиция хранителя средневекового отделения В. Г. Бока (рис. 9) в Египет. (В. С. Голенищев тоже производил раскопки в Египте, но не за счет музея, а за собственные средства). В смете музея на 1897 г. были заложены 5 тыс. руб. на «производство раскопок и приобретение памятников древних искусств в Египте» (АГЭ. Ф. 5. Д. 39. 1897 г. Л. 241). Отправившийся туда В. Г. Бок проводил раскопки в коптских монастырях и некрополях, фотографировал памятники архитектуры, производил обмеры и снимал планы, собирал коллекцию тканей,

изделий из металла, слоновой кости, глины (Коростовцев, Ходжаш 1960: 121). В долине Нила он исследовал некрополи в Накаде, Самайне, Ахмиме, эль-Зауйя, осмотрел захоронения в Асуане, Мединет-эль-Фаюме, организовал раскопки монастырей близ Сохага и кладбища у Дейр-эль-Хадада. На месте раскопок, в Александрии и Каире были приобретены ценные произведения искусства и ремесел. В Александрийском и Гизезском музеях были сфотографированы все коптские стелы (Каковкин 1991а: 40).

В 1909 г. Я. И. Смирнов, сменивший В. Г. Бока на посту хранителя Средневекового отделения, получил от Археологической комиссии открытый лист на раскопки в Кутаисской и Эриванской губерниях. Сведений о раскопках в делах комиссии нет, есть только информация, что там он, в частности, приобрел коллекцию местных археологических находок (ИАК 2009: 756; НА РО ИИМК Ф. 1. 1902 г. Д. 35). Только Н. Е. Макаренко, принятый с 1911 г. в отделение Средних веков как приватно занимающийся (т. е. без какого-либо жалования), а с 1915 г. ставший кандидатом на классную должность, вел во второе десятилетие XX в. активную полевую деятельность, регулярно получая открытые листы от Археологической комиссии. Но эти работы велись не по инициативе музея и не на его средства.

Помимо приобретения частных коллекций, получения даров от собирателей, поступлений из новых раскопок, проводилось перераспределение уже имеющегося музейного фонда. Так, в 1848 г. был составлен «Каталог древностей Керченского музеума», где все находки были объединены в «отделения» по материалу и категориям. Этот каталог был направлен министром императорского

двора начальнику I отделения Эрмитажа Ф. А. Жилью с предложением «указать какие предметы могли бы быть истребованы для Эрмитажной коллекции». В итоге из всех разделов были отобраны наиболее интересные экспонаты, подобных которым не было в Эрмитаже, и был составлен список из 86 предметов, передаваемых в Петербург. В него вошли некоторые монеты и вазы, маски, саркофаги, несколько стеклянных вещей. «Золотые и серебряные вещи почти все имеются в Эрмитаже, — сообщал Жиль, — железные и оловянные вещи ничего достопримечательного не представляют» (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. 1848 г. Д. 35. Л. 1, 32, 33). Тогда же в Эрмитаж привезли знаменитый Тмутараканский камень, найденный еще в конце XVIII в. на Тамани.

Председатель Археологической комиссии граф С. Г. Строганов уже в самом начале ее деятельности инициировал передачу в Эрмитаж сибирской коллекции Петра I, хранившейся до этого в Кунсткамере. Всего поступило 476, в основном, золотых предметов, а Академия наук в качестве компенсации получала выплаты по 2 тыс. руб. ежегодно из Кабинета Его Императорского Величества на издательские нужды (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. 1853 г. Д. 53. Л. 5–16). В 1862 г. из Академии наук была передана большая коллекция египетских древностей, состоящая из 302 статуй и статуэток, 165 папирусов, 65 бронзовых предметов, почти двух сотен керамических и алебастровых сосудов. Мумии сочли неподходящими экспонатами для придворного собрания, и они были оставлены в Академии (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. 1862 г. Д. 29. Л. 1–11; Горюнов 1999: 15–16).

В 1894 г. в Эрмитаж поступили коллекции Музея классической археологии (с 1874 г. так стал называться нумизматический музей) Академии наук. В его состав входили собрания греческих и римских монет, насчитывающие 682 золотых, 8464 серебряных, 11 216 бронзовых и медных экземпляров; около 50 расписных ваз; бронзовые, стеклянные, глиняные, мраморные предметы и произведения искусства. Там же были золотые и серебряные вещи, «принадлежащие к Мельгуновскому кладу и к сибирским древностям, купленным в 1859 г. Министерством императорского двора для Императорского Эрмитажа и забытые тогда в Кунсткамере» (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 19. 1894 г. Л. 8). На содержание отпускалось всего 500 руб. в год из средств Академии, что было совершенно недостаточно для пополнения коллекции подлинными предметами. Поэтому и было принято решение о передаче этого академического собрания в Эрмитаж. Через два года из Отделения древностей в Русское отделение были переданы 78 предметов, не являющихся археологическими.

К 1895 г. общее число предметов, хранящихся в Отделении древностей, достигло 63 093 единиц, из них найденных в Северном Причерноморье — 28 268 (в том числе 1613 золотых вещей). Собрание древней скульптуры насчитывало 431 произведение, собрание резных камней — 16 297, коллекция античной расписной керамики — 2038, терракот — 1028, металлических и бронзовых греческих, этрусских, римских предметов — 1072, скифских и других древностей, найденных в пределах Российской империи, — 11 445 (в том числе 6292 золотые вещи), египетских и ассирийских древностей — 2520. К концу 1897 г. количество предметов Отделения древностей уже превысило 64 000 единиц хранения (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. 1896 г. Л. 4, 20–21).

Перемещения и выдачи предметов, поступивших в собрания Эрмитажа, практически не было. Во всяком случае, когда Предварительный комитет по

устройству XII Археологического съезда в Харькове обратился к директору музея с просьбой прислать вещи для выставки, устраиваемой на время съезда, последовал ответ, что «Императорский Эрмитаж не имеет права высылать входящие в состав его собрания предметы, куда бы то ни было, без Высочайшего на то соизволения, испрашиваемого г. министром императорского двора в исключительных и особенно уважительных случаях» (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 17. 1901 г. Л. 21).

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. пополнение археологических коллекций Эрмитажа осуществлялось из различных источников, сочетало как вновь найденные артефакты, так и произведения из известных частных и государственных собраний. Наряду с отдельными уникальными, «программными» памятниками поступал и более «рядовой», но значимый материал, хотя не всегда в комплексном виде (Тихонов 2013б).

2. Экспозиция археологических материалов

Темой отдельного разговора является организация археологической экспозиции. По проекту Л. Кленце в «Императорском музее» должны были быть устроены специальные залы для экспонирования антиков и керченских древностей (рис. 10, 11, 12). Более того, все залы первого этажа были оформлены архитектором в античном стиле. По мнению Е. В. Мавлеева, из 20 залов первого этажа античности были отведены только пять помещений: три зала под скульптуру, один для расписных ваз и один для находок из Северного Причерноморья (Мавлеев 1990: 184). Но к ним следует добавить Кабинет египетской скульптуры, галерею Босфора Киммерийского (рис. 13), примыкающую к одноименному залу, и зал археологии, где хранилась богатейшая библиотека, содержащая литературу по археологии. Древности также были выставлены и на втором этаже, в Кабинете Императрицы (рис. 14), в залах монет и камей. Все эти помещения с экспозициями были запечатлены в 1850-е гг. на акварелях К. А. Ухтомского, Л. Премаци, Э. П. Гау (Воронихина 1983: IX–XVIII; Эрмитаж 1981: 43).

Для залов нового музея изготавливалась и новая мебель; так, по проекту Л. Кленце были сделаны мастером В. Л. Штромом три витрины в форме обелисков с ножками в виде грифонов, в которых были выставлены серебряные предметы (рис. 15). Для кабинета керченских древностей Ф. А. Жиль предложил большую вращающуюся восьмиугольную витрину «для ожерелий, браслетов, цепочек и небольших золотых предметов» (Пиотровский 2000: 198). Использовались и старые витрины «орехового дерева с зеркальными стеклами», в которых ранее выставлялись керченские древности. В 1859 г. по старым образцам были изготовлены еще 12 витрин для зала Боспорских древностей (Жиль 1861: 235; Власова 2003: 78). В 1867 г. столярному мастеру Якобсу было уплачено 850 руб. за изготовление «стеклянной пирамиды в бронзовой оправе для размещения некоторых предметов из Керченских древностей, витрину для Керченской вазы (№ 78) и витрину для замечательной коллекции древних русских рублей» (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. 1866 г. Д. 1. Л. 69). Для каждого зала создавались свои витрины и шкафы, своя система освещения. По замыслу Кленце архитектурное убранство зала, его содержимое, выставочные гарнитуры должны были складываться в единое целое, создавая неповторимый облик музея, эмоционально воздействующий на посетителя (Трофимова 2010: 68).

Рис. 10. Зал греческой скульптуры. К. А. Ухтомский, акварель, 1853 г.

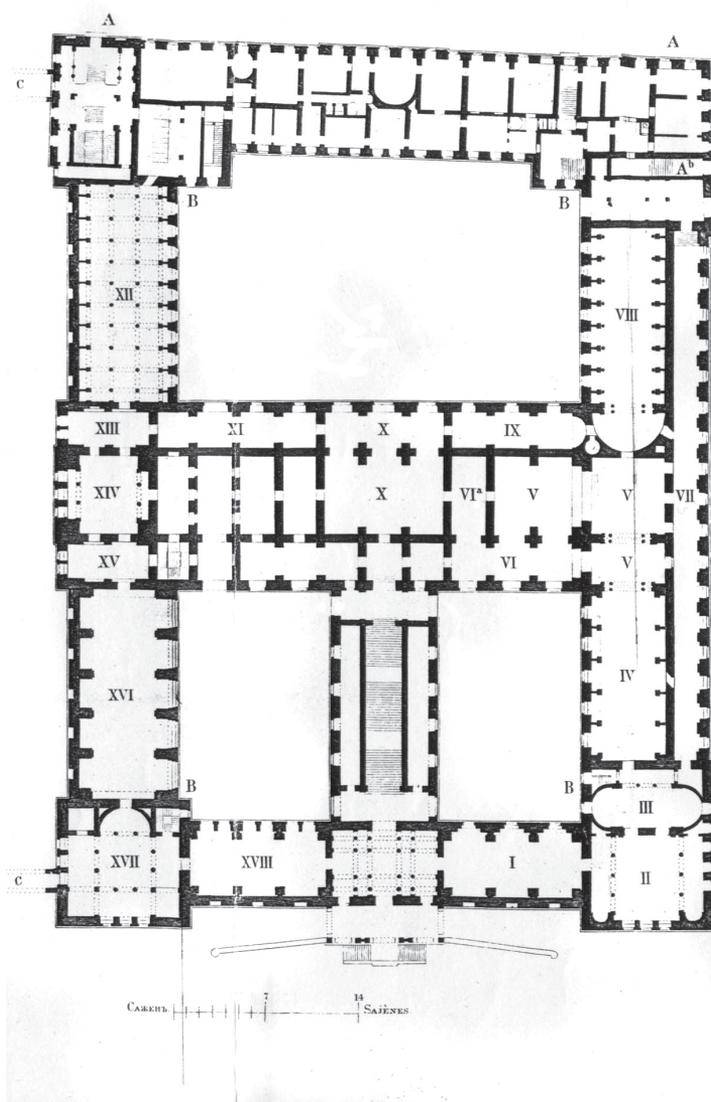
Fig. 10. Room of Greek Sculpture. K. A. Ukhtomsky, watercolor, 1853.

Рис. 11. Зал Боспора Киммерийского. К. А. Ухтомский, акварель, 1854 г.

Fig. 11. Room of Antiquities of Cimmerian Bosphorus. K. A. Ukhtomsky, watercolor, 1854.

ПЛАНЪ I. PLAN I.

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Старый Эрмитажъ.	A.
Навъльбошь Эрмитажа.	A ^a
Лѣстница Театра.	A ^b
Новый Эрмитажъ.	B.
Оригинальные рисунки.	I.
Рукописи.	II.
Библиотека.	III.
тожь	IV.
тожь	V.
тожь	VI.
тожь (Вольтера)	VI ^c
Галерея изящныхъ искусствъ.	VII.
Эстампы.	VIII.
Небольшія Бронзы.	IX.
Древности Босфора Киммерійскаго.	X.
Галерея Скульптуры.	XI.
Раскрашенныя вазы (Этрүрскія)	XII.
Кабинетъ Скульптуры.	XIII.
Большая Ваза и бронзовыя статуи.	XIV.
Кабинетъ Скульптуры.	XV.
Новая Скульптура.	XVI.
Древняя Скульптура.	XVII.
Древняя Скульптура.	XVIII.
Переходы.	c.
Этажъ со сводами Эрмитажнаго сада	e.

Рис. 12. План первого этажа Нового Эрмитажа 1861 г. (Жиль, 1861).

Fig. 12. Ground floor plan of the New Hermitage 1861 (Gilles, 1861).

Рис. 13. Галерея древностей Боспора Киммерийского. К. А. Ухтомский, акварель, 1857 г.

Fig. 13. Gallery of Antiquities of Cimmerian Bosphorus. K. A. Ukhtomsky, watercolor, 1857.

Рис. 14. Кабинет императрицы. Э. П. Гау, акварель, 1856 г.

Fig. 14. Cabinet of the Empress. E. P. Hau, watercolor, 1856.

В связи с покупкой коллекции маркиза Кампана в начале 1860-х гг. произошли серьезные изменения в экспозиции музея — почти все залы первого этажа оказались заняты антиками. Так, если в издании 1861 г. Б. В. Кене указывал 239 предметов древней скульптуры, то последующие каталоги 1864 и 1866 гг. зафиксировали 361 произведение пластического искусства. Керченские древности, за которыми после издания 1854 г. также закрепилось название «древностей Босфора Киммерийского», пришлось перенести в Двдцатиколонную залу, где ранее экспонировались греческие и этрусские вазы (рис. 16), которую с тех пор стали именовать «Керченской», а хранившееся в ней собрание расписных ваз, также значительно пополнившееся из коллекции Кампана, разместили в четырех залах справа от входа в юго-восточном углу здания. В 1860 г. после смерти императрицы Александры Федоровны был расформирован особый

Рис. 15. Зал Боспора Киммерийского. К. А. Ухтомский, акварель, 1853 г.

Fig. 15. Room of Antiquities of Cimmerian Bosphorus. K. A. Ukhtomsky, watercolor, 1853.

«Кабинет Императрицы», и археологические находки из золота и серебра, хранившиеся там, перешли в экспозиции первого этажа.

Экспозиция причерноморских древностей также постоянно менялась за счет включения в нее материалов новых раскопок, проводимых Императорской археологической комиссией. Так, во втором издании каталога зала «Древностей Босфора Киммерийского» в 1872 г. появляется описание целой витрины, содержащей находки из кургана Большая Близница, раскопанного в 1864 г. (Императорский Эрмитаж 1872: 61). Ранее в ней были выставлены золотые украшения, найденные близ Феодосии (Императорский Эрмитаж 1864: 56). Многие вещи также были помещены в другие витрины, в иных комбинациях. Все это свидетельствует о том, что во 2-й половине 1860-х — начале 1870-х гг. Л. Э. Стефани (рис. 17) вел очень активную работу на экспозиции

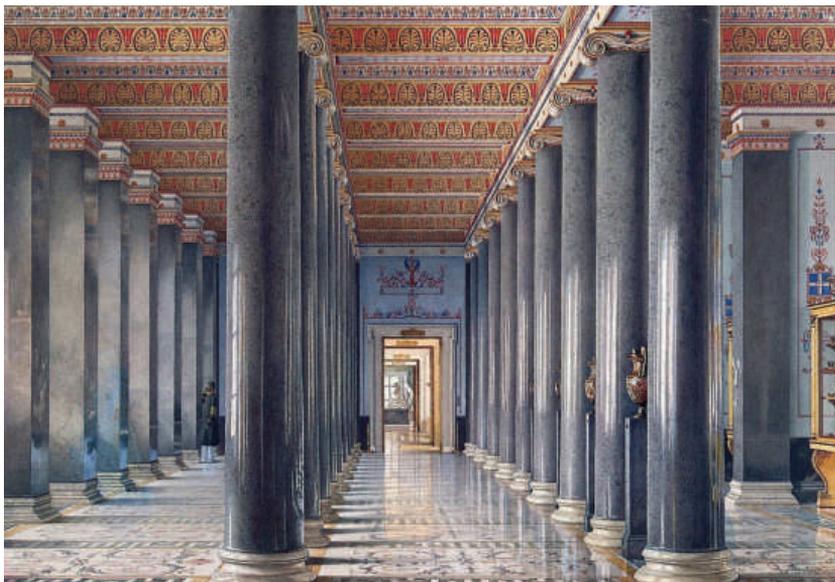

Рис. 16. Зал греко-этрусских ваз. К. А. Ухтомский, акварель, 1853 г.

Fig. 16. Hall of Greek-Etruscan Vases. K. A. Uhtomsky, watercolor, 1853.

музея, постоянно добавляя в нее новые экспонаты. А вот третье издание этого каталога, предпринятое на закате жизни академика в 1886 г. (Императорский Эрмитаж 1886), практически постранично воспроизводило предшествующее издание 1872 г., что свидетельствовало о том, что эта работа фактически прекратилась в начале 1870-х гг. и была возобновлена уже только преемником Стефани — Г. Е. Кизерицким, который занялся устройством еще одного зала с археологическими находками. Это зал «Никопольский», или «Никопольской вазы», получивший свое название по знаменитой серебряной амфоре, найденной в кургане Чертомлык вблизи города Никополя. Основа экспозиции этого зала была создана в 1880-е гг. Г. Е. Кизерицким, но в нее постоянно добавлялись новые находки. Изначально она позиционировалась как экспозиция скифского искусства, но в реальности превосходила эти хронологические, территориальные и культурные рамки. Здесь были выставлены материалы из раскопок различных скифских курганов. Отдельными единичными комплексами были показаны только находки из Александропольского кургана и кургана Чертомлык. Серебряная чертомлыцкая ваза стояла на отдельном постаменте в центре зала.

В шкафах № 89–91 вместе с материалами Келермесских курганов и предметами из могильника Бори в Кутаисской губернии были представлены вещи из других курганов и различные случайные находки. Одну из полок этих шкафов-витрин занимали фигурки быков, стержни, бляшки и серебряные сосуды из Майкопского кургана, хотя Н. Е. Макаренко отмечал, что они относятся к доскифскому периоду истории южно-русских степей и датировал их 2-м тысячелетием до н. э. (Макаренко 1916: 57). В шкафах № 78 и 79 демонстрировались

золотые вещи из Сибирской коллекции Петра I и предметы из Мельгуновского кургана. В приоконных витринах № 12 и 14 демонстрировались вещи эпохи великого переселения народов.

Самым большим залом с археологическими материалами являлся Двадцатиколонный, или «Керченский зал» Нового Эрмитажа. Свое второе название он получил потому, что наиболее значительная часть выставленных там вещей происходила с территории Керченского и Таманского полуостровов. Там демонстрировались находки из Артюховского кургана, в одном шкафу с с терракотовыми статуэтками из Керчи выставлялись ритоны и украшения из Семибратних курганов. В пирамидальных витринах были представлены находки из Большой Близницы и кургана Карагодеуашх. Три витрины содержали многочисленные вещи, сосуды и украшения из Куль-Обы. Помимо многочисленных ювелирных украшений и иных произведений торевтики, здесь было много расписной керамики, терракот, мраморной скульптуры в виде статуй, барельефов, надгробий, саркофагов. В специальных стеклянных витринах помещались деревянные саркофаги из гробниц Керчи и Тамани. Были и находки из Ольвии, Херсонеса, Кубанских курганов.

Еще четыре зала занимала экспозиция расписных ваз Отделения древностей, основу которой составляли коллекции Пицатти, Кампана и других собирателей. Но эрмитажное собрание античной расписной керамики постоянно пополнялось и за счет раскопок в Северном Причерноморье. Двигаясь направо из вестибюля, посетитель попадал в зал, посвященный сосудам с росписями, датируемым VIII–VI вв. до н. э. Шесть витрин содержали причерноморские находки из Ольвии, Керчи, Березани. Среди них к началу XX в. появляются и сосуды простых форм без росписей. Южнорусские находки были представлены и в четвертой зале ваз, где в витринах, стоящих в центре, демонстрировались сосуды из Херсонеса, Ольвии, Керчи и других мест.

Завершалась экспозиция Отделения древностей залом, занятым художественными произведениями античной эпохи из бронзы, серебра и терракоты. Среди итальянских и греческих вещей были и находки с территории России: серебряные ритоны с головой барана и лошади из Сибири и Полтавской губернии; серебряные блюдо, сосуд с ручками в виде кентавров и римское ведро с изображением сцен мифа о Леде, найденные в Молдавии. Отдельный шкаф содержал великолепное собрание восточной серебряной посуды, в основном, относящейся к сасанидской эпохе.

Рис. 17. Л. Э. Стефани, академик, хранитель Отделения древностей в 1851–1887 гг.

Fig. 17. L. E. Stefani, Academician, curator of the Department of Antiquities in 1851–1887.

К началу XX столетия археологические экспозиции заняли практически все залы первого этажа здания Нового Эрмитажа. Из 17 залов 15 было отведено под выставки Отделения древностей (рис. 18). Однако, как мы видим, в экспозиции преобладал хронологический и культурный эклектизм.

Экспозиции Средневекового отделения, образованного в 1885 г., разместились в залах первого этажа фельтеневского здания Старого Эрмитажа, по набережной Невы, которые прежде были заняты Комитетом министров и Государственным Советом. В отличие от Нового Эрмитажа, специально спроектированного под музейные залы, эти помещения были тесными, мало приспособленными под экспозиционные площади. По авторитетному мнению Б. Б. Пиотровского материал выставлялся в них без необходимого разграничения и в неудачных для обозрения витринах. Вещи представлялись скученно, без определенной системы. Находки из Сарая золотоордынского времени могли выставляться вместе с вещами из Сибирской коллекции Петра I (Пиотровский 1984: 3; 2000: 69). Для публики эти залы были открыты в феврале 1886 г.

В первоначальной экспозиции из 20 экспозиционных залов Средневекового отделения археологические коллекции были представлены в четырех, о чем свидетельствует подготовленный в 1891 г. Н. П. Кондаковым указатель. В зале христианских древностей первых восьми веков н. э. были выставлены коллекция терракотовых ламп из римских катакомб, бронзовые лампы, находки и ткани из коптских погребений, мраморный саркофаг, фрагменты стеклянных сосудов, большой клад византийских монет и ювелирных изделий, найденный в Киеве в 1889 г. Очень подробно, как ни один другой, был описан зал, посвященный русским древностям до монгольского нашествия. Здесь экспонировались многочисленные клады и отдельные предметы, найденные в разных частях России. Существенно заметить, что некоторые экспонаты, как находки из Ставропольской губернии, с Северного Кавказа или «готские» и другие древности эпохи переселения народов, датируемые III–VIII вв., никакого отношения к собственно русским древностям не имели. Здесь же был выставлен Тмутараканский камень. Еще один зал был посвящен древностям Кавказа. Основу экспозиции составляла уже упоминавшаяся коллекция К. И. Ольшевского. Она насчитывала 202 предмета, в основном, бронзового художественного литья кобанской культуры. В экспозиции также находились многочисленные находки предметов вооружения и украшений из более поздних аланских могильников. Были представлены некрополи Камунты, Камбулты, Кобани, могильник Чми и другие памятники на территории Терской области и некоторых районов Закавказья. Н. П. Кондаков датировал все эти археологические материалы III в. до н. э. — VIII в. н. э. (Кондаков 1891: 332), поскольку более ранние даты для кобанской культуры в то время еще не были общеприняты. За исключением стеклянных и каменных бус, вся экспозиция этого зала состояла исключительно из металлических предметов, какие-либо другие категории материала, например, керамика, в ней начисто отсутствовали. Завершалась первая экспозиция отделения небольшим залом, где выставлялись древности из раскопок Сарая, среднеазиатская керамика, индийское огнестрельное оружие, седла из Польши и стран Востока. Описание экспозиций Эрмитажа А. К. Керра, выпущенное в 1899 г., показывает ту же самую картину состава и размещения выставок Средневекового отделения, а во многих местах практически дословно и без

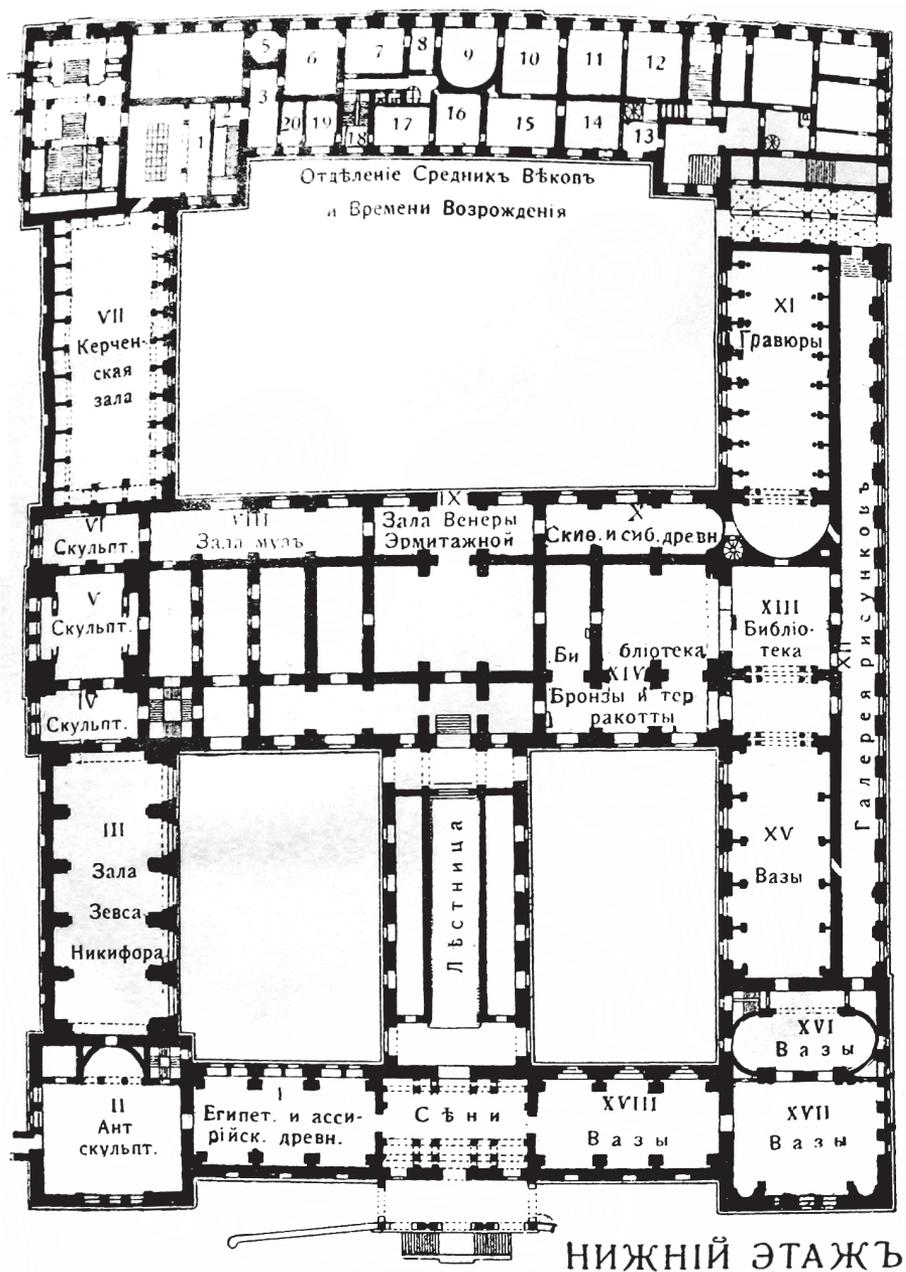

Рис. 18. План первого этажа Эрмитажа с названиями залов, 1904 г. (Иванов, 1904)

Fig. 18. Ground floor plan with the names of the Hermitage halls, 1904 (Ivanov, 1904).

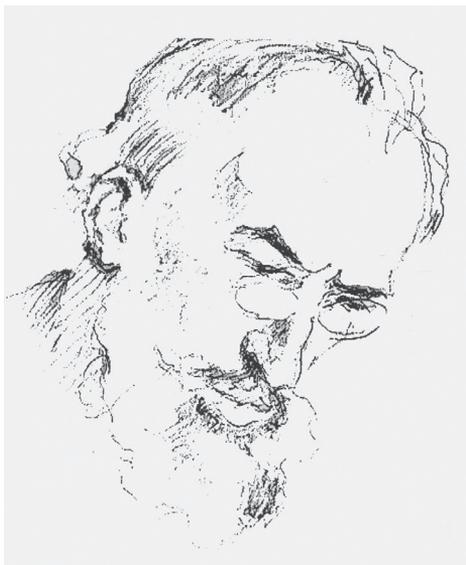

Рис. 19. Я. И. Смирнов, академик, хранитель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения в 1897–1918 гг. Рисунок Э. К. Липгарта, 1918 г.

Fig. 19. Ya. I. Smirnov, Academician, curator of the Department of the Middle Ages and the Renaissance in 1897–1918. Drawing by E. K. Liphart, 1918.

всяких ссылок воспроизводит текст «Указателя» Н. П. Кондакова (Керр 1899). Сравнение же с описанием Н. Е. Макаренко, опубликованным в 1916 г. (Макаренко 1916), показывает, что в экспозиции этого отделения произошли серьезные изменения, связанные с активной деятельностью Я. И. Смирнова (рис. 19), ставшего с 1899 г. хранителем, а с 1909 г. — старшим хранителем Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. «Он был душой выставок, выдвигал новые идеи по части систематизации, классификации, экспонирования вещей. Он принимал деятельное участие в выставках своего отделения, в устройстве предреволюционной экспозиции» (Кавовкин 1991б: 53). Новая экспозиция была выстроена в более правильном хронологическом и культурологическом

порядке, облегчавшем посетителю восприятие материала. Археологические коллекции были расширены и собраны в единый комплекс, с которого экспозиция и начиналась. В нее были введены Перещепинский клад, находки из могильника Суук-Су в Крыму, из керченских гробниц, открытых в 1904 г., из Старой Крепости близ с. Ново-Михайловка в окрестностях Туапсе. Здесь же были находки из раскопок Херсонеса и городища Ани — столицы средневековой Армении. Появился новый зал, посвященный «древностям соседей русских славян», в котором показывались предметы татарской, финской, прибалтийских культур. Сюда были перемещены древности Сарая, некоторые находки из Кубанской области, Ставропольской губернии, материалы Тамбовского, Мурманского, Люцинского могильников. Здесь же присутствовали и более ранние, бронзового века, древности из Сибири, в в том числе из коллекций, собранных Д. Г. Мессершмидтом и Г. Ф. Миллером еще в XVIII в. (Тихонов 2014: 24–25).

В 1880-е гг. обозначалась и некая конкуренция между двумя отделениями музея за право обладания теми или иными археологическими коллекциями. Первоначально по предложению А. А. Васильчикова было установлено, что все материалы археологических раскопок по V в. н. э. включительно будут поступать в отделение классических древностей, а более поздние — в третье (русское отделение). Такое положение дел сохранялось до середины 1880-х гг., пока не было создано Отделение Средних веков и эпохи Возрождения, которое тоже стало претендовать на археологические материалы первых веков н. э. Во время царствования Александра III особое внимание стали уделять национальной русской культуре и ее истории. В этом идейно-политическом контексте

следует рассматривать и создание экспозиций, представляющих отечественную средневековую материальную культуру. Эпоха безраздельного царствования в археологических экспозициях Эрмитажа памятников греко-римской или скифской культуры заканчивалась.

Краткое описание выставки русских древностей, первоначально устроенной на втором этаже, было приведено в путеводителе по Санкт-Петербургу, изданном под редакцией Р. С. Попова в 1886 г. Там были представлены находки из кладов и погребений, обнаруженных в Киеве, Гнездово, Владимире, в районе Таганрога: гривны, ожерелья, бармы, серьги, цепочки, медальоны, сасанидские монеты, металлическая посуда, скандинавский меч. Там же экспонировались так называемые «чуждые вещи» (Попов 1886: 118–119). В дальнейшем большая часть этих экспонатов перешла в Средневековое отделение, а некоторые, например, Чулекский клад 1868 г., оказались в экспозиции Никопольского зала.

Некоторые значительные изменения в организации археологической экспозиции Отделения древностей музея и деятельности самого отделения начались только с 1905 г., после появления в нем энергичного О. Ф. Вальдгауера (рис. 20), сначала в качестве кандидата на классную должность без содержания, затем с 1909 г. — инвентаризатора и с 1913 г. — хранителя. Критикуя устаревшую экспозицию скульптуры, Вальдгауер отмечал, что статуи расставлялись по размерам, причем «лучшие скульптуры были поставлены для украшения темных углов, а подделки и копии красовались на полном свету» (Цит. по Мавлеев 2005: 10). Но перестановку скульптуры в хронологическом порядке, демонстрирующем посетителю музея историческое развитие античной пластики, удалось выполнить только в 1910–1912 гг. в связи с ремонтом в залах и установкой батарей водяного отопления. А в 1905–1906 гг. Вальдгауер занимался переустройством громадного собрания античных расписных ваз, ставя задачу показа эволюции керамического производства в хронологическом порядке. Итогом этих работ стали серия статей и издание подготовленных им каталогов-путеводителей по собранию ваз, скульптуры и глиняных светильников на русском и немецком языках (Вальдгауер 1912; 1914, 1914а). О. Ф. Вальдгауер и Е. М. Придик ставили перед руководством музея и вопросы о необходимости этикеток с указанием названия памятника, года раскопок, времени бытования вещей. Говорили о необходимости увеличения экспозиционных площадей за счет

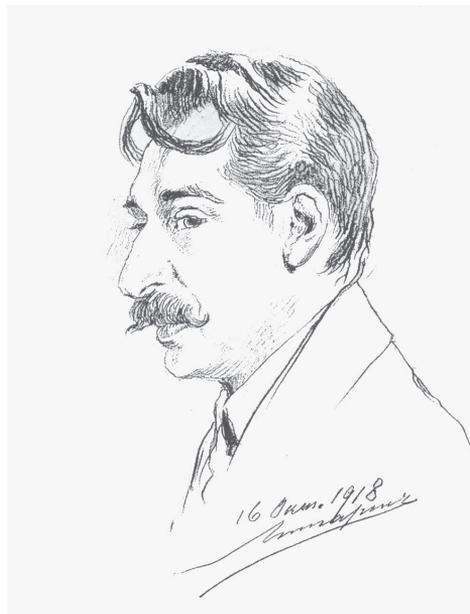

Рис. 20. О. Ф. Вальдгауер, с 1913 г. хранитель, в 1918–1926 гг. заведующий Отделением древностей. Рисунок Э. К. Липгарта, 1918 г.

Fig. 20. O. F. Valdgauer, curator since 1913, Head of the Department of Antiquities in 1918–1926. Drawing by E. K. Liphart, 1918.

перевода галереи гравюр и рисунков на второй этаж, что позволило бы выставить многие интересные вещи из кладовых.

В 1910 г. Е. М. Придик (рис. 21) предлагал собрать в одном зале все вазы, найденные на юге России, а в другом — всю коллекцию античного стекла: «...Весьма желательно, чтобы, по крайней мере, большие находки не были разбросаны по многим витринам, как это часто делалось до сих пор, а оставались бы по возможности вместе в одном месте: тогда можно будет также впору прибавлять ярлыки с обозначением места находки и где возможно, план самого погребения. Это вызовет полную систематическую переделку всего Керченского и Никопольского зала...» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 32. 1910 г. Л. 49–52об.).

В ответе из Министерства императорского двора на это обращение, подержанное директором музея графом Д. И. Толстым (рис. 22), говорилось, что хотя эти предложения и получили «высочайшее одобрение», министр разрешил «как неотложно-необходимую, лишь перестановку коллекций камней в нижний этаж Эрмитажа... что же касается остальных предложений гр. Толстого, то в виду связанных с осуществлением их значительных расходов, г. Министр признал более удобным вопрос этот временно оставить открытым до выяснения точного размера расходов» (Там же. Л. 19).

Новаторскими были и предложения о совместном экспонировании разных видов археологических материалов на одной выставке, что позволяло бы давать комплексное представление о культуре того или иного хронологического периода. Однако реализовать эти идеи удалось только более чем через десятилетие, на новой экспозиции Эллино-скифского отделения, открывшейся в 1927 г.

Анализируя общие принципы построения экспозиции Отделения древностей, надо заметить, что многие вещи выставлялись в разрозненности археологических комплексов. Определенная хронологическая или тематическая группировка экспонатов в одной витрине часто тоже не соблюдалась, вместе могли выставляться предметы скифского звериного стиля и древнерусские украшения. В лучшем случае можно увидеть стремление объединить в экспозиционные комплексы предметы одной категории (погребальные венки, терракотовые статуэтки и т. д.). Такова была специфика экспонирования и трактовки археологии в художественном музее, когда прежде всего подчеркивалась эстетическая ценность экспонатов, чаще всего произведений ювелирного искусства. Преобладал художественный, а не исторический подход, вещи выставлялись в большей степени как самоценные произведения древнего искусства, а не элементы единой культурной среды. Предметы из одного комплекса вместе не выставлялись, так, например, сокровища Куль-Обы были разнесены даже по разным этажам музея. В одной витрине могли экспонироваться вещи, не связанные между собой ни хронологически, ни территориально, ни культурно. Так, вместе были собраны находки из сарматского кургана Хохлач первых веков н. э. и скифских курганов IV в. до н. э. (Алексеев 1987: 59). Художественным подходом к экспозиции обуславливалось и доминирующее положение греко-римских или скифо-сарматских древностей. Правда, надо учитывать, что Отделение древностей в дореволюционную эпоху и не имело задачи показа культур, выходящих за рамки античного мира. Массовый, невзрачный материал (наконечники стрел, простое оружие, кухонная посуда,

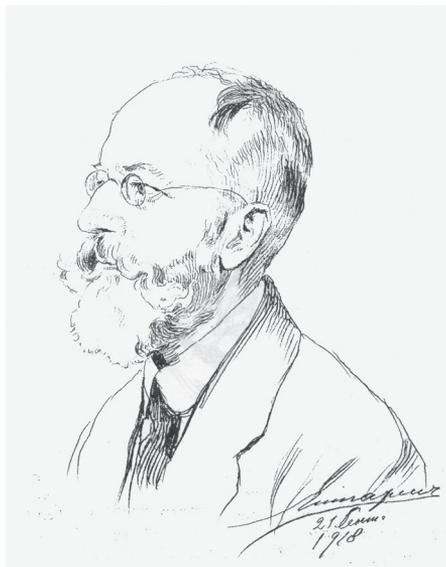

Рис. 21. Е. М. Придик, в 1899–1903 гг. хранитель Отделения монет, в 1904–1918 гг. старший хранитель Отделения древностей. Рисунок Э. К. Липгарта, 1918 г.

Fig. 21. E. M. Pridik, curator of the Department of Coins in 1899–1903, Head of the Department of Antiquities in 1904–1918. Drawing by E. K. Liphart, 1918.

Рис. 22. Граф Д. И. Толстой, директор Императорского Эрмитажа в 1909–1918 гг. Рисунок Э. К. Липгарта, 1918 г.

Fig. 22. Count D. I. Tolstoy, Director of the Imperial Hermitage in 1909–1918. Drawing by E. K. Liphart, 1918

бытовые изделия из кости, рога) в экспозиции императорского музея практически отсутствовали. Не было попыток показать реконструкции погребальных обрядов, отражаемых в особенностях погребальных сооружений. Какой-либо пояснительный или сопровождающий материал (карты, чертежи, зарисовки, фотографии, тексты) отсутствовал, не было даже этикеток. Под каждым предметом был помещен только инвентарный номер и посетитель мог из каталога узнать название и назначение вещи. Такое положение вещей вызывало критику у представителей социал-демократической фракции Государственной Думы, утверждавших, что каталоги слишком дорого стоят, и собрания музея мало доступны для простого народа (Варшавский, Рест 1969: 65).

3. Каталоги и экскурсии

Первой научной публикацией, посвященной описанию археологических коллекций музея, стала небольшая статья Э. Г. Муральта «Скифские древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже», опубликованная в «Записках» РАО в 1853 г. (Муральт 1853). Однако, помимо исторических сведений о скифах и их алтайской прародине, в статье приводились сведения только о сибирских находках из коллекции горного инженера и Томского губернатора П. К. Фролова. Эта коллекция, содержащая каменные, бронзовые и железные орудия, оружие и украшения, была им собрана в Южной Сибири и подарена в 1817 г. Публичной библиотеке, а оттуда перешла в 1852 г. в Эрмитаж (Марсадолов 1982: 30). Значительно более полное описание появилось в 1854 г., когда на средства, выделенные лично Николаем I, было издано роскошное двухтомное издание на русском и французском языках с атласом рисунков «Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа» (рис. 23). Рисунки выполнили Ф. Г. Солнцев и Р. Пикар, а авторами текстов были Ф. А. Жиль и академик Л. Э. Стефани, с 1851 г. работавший в Эрмитаже в качестве хранителя греческих и римских древностей в I отделении. История создания и научная оценка этого труда, ставшего первой сводкой результатов археологических раскопок в Северном Причерноморье, известны достаточно хорошо (Тункина 2002: 240–241). В 1856 г. Стефани издал и первый путеводитель по античным древностям музея, описав экспонаты двух залов и галереи античной скульптуры, залы ваз и керченских древностей. Основное внимание он уделил крупной скульптуре, памятникам эпиграфики, формам и типам греческой керамики, терракотовым статуэткам (Стефани 1856).

В 1861 г. под редакцией начальника I отделения Ф. А. Жилья был впервые выпущен общий путеводитель по музею (Жиль 1861). Экспонируемые древности были описаны в первой части, посвященной нижнему этажу. Описание Кабинета бронзовых вещей, где хранились помпеянские находки, и большого зала с керченскими древностями выполнил сам Жиль. Зал с расписными античными сосудами описал Л. Э. Стефани, а экспозицию древней скульптуры, размещенную в нескольких залах, — Б. В. Кене. Все экспонаты приводились в путеводителе под их инвентарными номерами, в некоторых случаях указывалось, из какого места они происходили. Помимо описания предмета нередко приводилось и его функциональное или сюжетное объяснение.

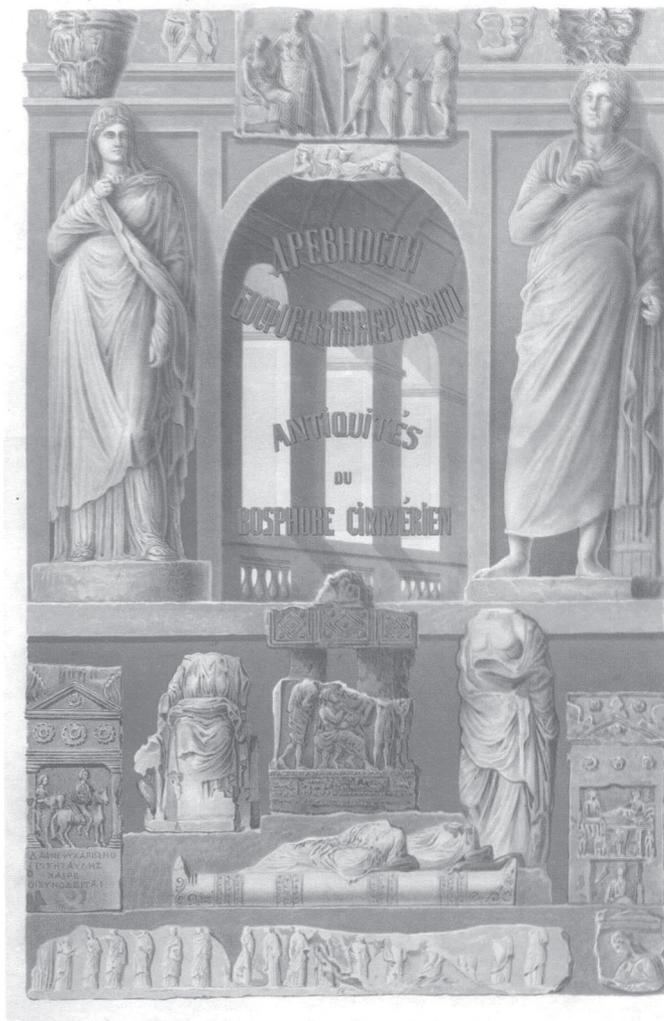

Рис. 23. Титульный лист издания «Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа», СПб., 1854.

Fig. 23. Front page of the book «Antiquities of Cimmerian Bosphorus, which are stored in the Imperial Hermitage Museum», St. Petersburg, 1854.

В 1864 г. был выпущен путеводитель, вернее, каталог древностей, экспонируемых в музее, под названием «Императорский Эрмитаж. Древности Босфора Киммерийского (зала VII)» (Императорский Эрмитаж 1864). Позднее его переиздавали в 1872 и 1886 гг. (рис. 24). Вопреки утверждению Е. В. Власовой о том, что «списка экспонатов в залах не сохранилось» (Власова 2003: 79), каталог содержал детальный перечень выставленных предметов и их описание, часто, правда, предельно лаконичное. Например, в его тексте постоянно встречаются чересчур лапидарные образцы научного описания экспонатов, как «надгробный камень», «бюст женщины», или такие перлы, как «золотая вещица неопределенного назначения» или «женщина в неприличной позе» (Императорский Эрмитаж 1864: 9, 13, 65, 91), причем этими сведениями информация о предмете и ограничивалась. Под последним наименованием, скорее всего, подразумевалась терракотовая статуэтка. Автор данного каталога в самом издании указан не был, но вероятнее всего, им был Л. Э. Стефани, возглавивший первое отделение после отставки Жиля. Сравнение этого текста с описанием археологической экспозиции 1861 г. свидетельствует об очень серьезных изменениях в ней, произошедших в начале 1860-х гг. после введения в экспозицию предметов из собрания Кампана.

Одновременно с каталогом «Босфорского зала» (в экземпляре библиотеки ИИМК они даже объединены общей обложкой) был выпущен каталог «Галерея древней скульптуры». Автор там также указан не был, но поскольку его текст очень близок к тексту второго издания 1866 г., авторство которого всегда приписывается С. А. Гедеонову, логично предполагать, что и более ранний вариант принадлежал также его перу. Последующее издание 1866 г. давало несколько более подробные сведения о собрании скульптуры с указанием их размеров и состояния целостности, приводились сведения о происхождении того или иного произведения.

С 1866 г. директор Эрмитажа С. А. Гедеонов добился от Министерства двора разрешения на свободный доступ публики в музей без каких-либо ограничений и условностей. Это был очень важный шаг на пути отхода от сформировавшейся в европейских музеях еще в XVIII в. концепции посещения музея «вход как привилегия» к новому представлению «вход как право» (Hudson 1975: 12). Исходя из этого представления, первый директор музея считал одной из важнейших задач подготовку и издание каталогов по разным разделам экспозиции. В условиях отсутствия этикетажа и экскурсионного обслуживания такие каталоги должны были помочь посетителям познакомиться с экспозицией музея. Археологическим коллекциям Эрмитажа Гедеонов придавал особое значение. Так, он категорически воспротивился предложению о передаче дублетных вещей в Одесский археологический музей: «Каждый из предметов, входящий в состав Керченских древностей, принадлежит как часть одного целого той или другой знаменитой и в археологическом мире всеизвестной находке. От охранении в ненарушимой целостности даже ничтожнейших к таким находкам относящихся мелочей зависит и самое значение Императорского музея, как единственного обладателя единственными на свете сокровищами» (Цит. по: Пиотровский 2000: 225). Здесь мы впервые сталкиваемся с формированием представления о неделимости археологических коллекций и невозможности передачи вещей из Эрмитажа в другие музеи.

Какое-либо экскурсионное обслуживание посетителей отсутствовало в течение всего дореволюционного периода. Хранители отделения древностей

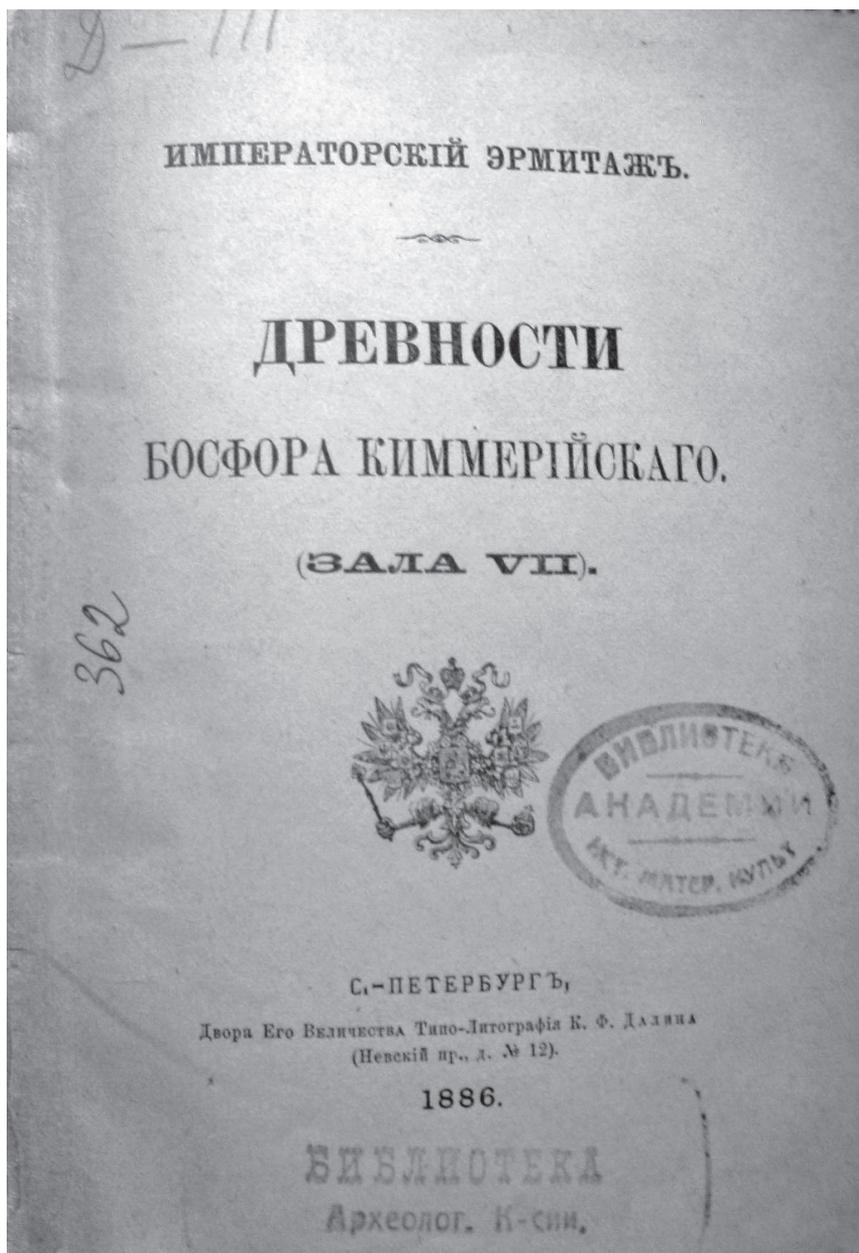

Рис. 24. Титульный лист 3-го издания каталога зала «Древности Босфора Киммерийского». СПб., 1886.

Fig. 24. The front page of the third edition of the catalog of the hall "Antiquities of Cimmerian Bosphorus". St. Petersburg, 1886.

крайне скептически относились к самой идее проведения популярных экскурсий по залам музея. Так, Г. Е. Кизерицкий считал большую часть все возрастающих посетителей за варваров, от которых надо оберегать бесценные сокровища. Крайне скептически относился он и к самой идее популяризации науки и искусства (Половцов 1904: 34–35).

Публика, посещающая музей, была предоставлена сама себе. В связи с этим уместно привести курьезный эпизод из воспоминаний члена Археологической комиссии В. Г. Дружинина: «Чтобы попасть в прежнее помещение Комиссии, надо было пройти нижним этажом через зал античных мраморов. И вот, в 1890 г. прихожу я в Эрмитаж в понедельник, на первой неделе поста и вижу, что весь вестибюль Эрмитажа наполнен весьма серой, не обычной публикой. Это были заводские мастеровые с Шлиссельбургского тракта. Пока одни гуляли по залам, которые были довольно тесно наполнены, другие держали и сторожили их платье, т. к. вешалок не хватало. Затем этих сменяли их товарищи. Я выразил удивление такой необычайной массе посетителей. Мне объяснили, что существует обычай, по которому все рабочие с фабрик, находящиеся на тракте, первые три дня не работают, а отдыхают после масленицы и посещают для этого Эрмитаж и таким образом протрезвляются. После этого, Эрмитаж закрывался на последние дни первой недели, полы мыли и чистили. И этот обычай повторялся ежегодно» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7 Л. 169–170).

Когда в 1913 г. президиум проходящего в Петербурге съезда учителей обратился к руководству музея с просьбой о проведении экскурсий для многочисленных участников съезда, то выяснилось, что в самом музее нет сотрудников, которые могли бы это сделать. В итоге экскурсии были проведены членами самодеятельного Эрмитажного кружка, который составляли студенты университета и слушательницы Бестужевских курсов (рис. 25). Они, ставя перед собой задачу культурного просвещения широких масс народа, специально изучали экспозиции Отделений древностей и Средневековья под руководством профессоров университета египтолога Б. А. Тураева, археолога М. И. Ростовцева, эллиниста Ф. Ф. Зелинского, медиевиста И. М. Гревса. «От витрины к витрине, от статуи к статуе, от саркофага к саркофагу медленно переходили мы, стараясь вникнуть в их безмолвную речь, смысл которой мы хотели понять», — вспоминал один из активных участников кружка — Н. П. Анциферов (Анциферов 1992: 203–204). Из собственно сотрудников музея на эту студенческую инициативу откликнулся только О. Ф. Вальдгауер, преподававший в университете с 1913 г. (Мавлеев 2005: 18) (рис. 26).

Начиная с 1880-х гг. экспозиции и материалы отделения древностей стали довольно широко использоваться в учебном процессе на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Н. П. Кондаков, одновременно являвшийся профессором кафедры теории и истории искусств и старшим хранителем Отделения Средних веков и эпохи Возрождения в Эрмитаже, постоянно водил студентов в музей для изучения подлинников античного, византийского и древнерусского искусства. Другие преподаватели университета — Я. И. Смирнов (также работавший в Эрмитаже с 1897 г.), М. И. Ростовцев, Б. В. Фармаковский, А. А. Спицын нередко давали студентам темы рефератов, связанные с изучением археологических материалов, хранящихся в музее (Тихонов 2003: 59, 71, 74).

Рис. 25. Эрмитажный кружок. 1913 г. Слева направо сидят в первом ряду: Ф. А. Фиельструп, Л. Е. Чикаленко, А. Э. Серебряков, Н. П. Анциферов; во втором ряду 2-й — Г. Э. Петри; стоят: 3-й — А. В. Шмидт, 6-й — А. В. Тищенко, 8-й — А. П. Смирнов.

Fig. 25. The Hermitage circle, 1913. Sitting in the front row from left to the right: F. A. Fielstrup, L. E. Chikalenko, A. E. Serebryakov, N. P. Antsiferov; the 2nd in the second row is G. E. Petri; standing: 3rd — A. V. Shmidt, 6th — A. V. Tischenko, 8th — A. P. Smirnov.

Рис. 26. О. Ф. Вальдгауер со студентами в Эрмитаже.

Fig. 26. O. F. Valdgauger with students in the Hermitage.

4. Структура и хранители

В контексте изменения статуса археологической науки и постоянного увеличения археологических фондов и экспозиций показательна и история музейной структуры и сотрудников Эрмитажа, их отношений с ИАК. В 1-й трети XIX в. археологические коллекции музея еще не выделялись из общего собрания и числились в разных отделениях вместе библиотекой и собранием скульптуры нового времени. В 1837 г. появляется постановление, направленное начальнику I Отделения Эрмитажа в том, что «означенное отделение по роду составляющих оное предметов, разделить на две части, из коих одну будет составлять библиотека, а другую кабинеты медалей и антиков, разуметь в том числе и другие древности». Далее также упоминается о введении новых должностей: «Определить особого хранителя медалей и антиков, с жалованьем по 1500 руб. и столовых по 500 р. в год, возложить на его обязанность вести каталоги и реестры медалям и монетам новейших времён; наблюдать за чистотою антиков; показывать посетителям медали и антики; повторять оные всякий раз при чистке их, с реестрами, которые <...> быть составлены, для чего и дозволяется вверить ему ключи от шкафов с медалями и антиками, за сохранность которых он ответствен» (АГЭ Ф. 1. Оп. 1. 1837 г. Д. 13. Л. 5).

В 1849 г. по предложению обер-гофмаршала двора графа А. П. Шувалова был представлен новый проект реорганизации музея. Теперь по новому положению в Эрмитаже было всего два отделения, из которых первое включало медали, монеты, резные камни, библиотеку, гравюры и предметы древности; а второе — картины, оригинальные рисунки, скульптуру, фарфор, предметы из бронзы и кости. Таким образом, мы впервые видим, как в названии отделения появляются «предметы древности», а впоследствии и все первое отделение стали именовать «отделением древностей». В августе 1853 г. императором были утверждены «Правила для управления Императорским Эрмитажем», зафиксировавшие новую структуру музея. Этот же документ являлся и своего рода «инструкцией по хранению», поскольку регламентировал и порядок учета и описания музейных предметов, и обязанности сотрудников музея. Монеты предписывалось располагать в систематическом порядке, учитывая эпоху, этническую или государственную принадлежность, а предметы древности — в географическом порядке.

В 1860-е гг. произошли и серьезные изменения в административной структуре музея. Вместо прежних двух отделений создали пять, как и до реформы 1851 г., но построенных по иной схеме: I — Отделение греческих и римских древностей (заведующий Л. Э. Стефани); II — Отделение медалей и монет (заведующий М. Броссе); III — Отделение скифских и русских древностей, с включением Галереи драгоценностей и Петровской галереи (заведующий А. И. Куник); IV — Отделение гравюр и рисунков (заведующий Ф. Иордан); V — Отделение картин и портретов (заведующий Т. Нефф) (Пиотровский 2000: 53). Здесь древности фигурируют уже в двух отделах. Выделяются «классические» и «азиатские, скифские» древности. Впрочем, это разделение было весьма условным, так как академик Стефани с одинаковым успехом изучал и скифские и, собственно, греко-римские древности. Впоследствии в 1880 г. скифские и другие древности, имевшиеся в III отделении, были переданы в I отделение, чтобы сосредоточить в нем все предметы античной эпохи.

С 1863 г. вводится должность директора Императорского Эрмитажа, которую занял С. А. Гедеонов. Тогда же был утвержден новый штат музея и повышены оклады его сотрудникам. Директору было установлено жалование в 3000 руб., хранителям по 1500 руб., помощникам хранителей по 1200 руб. Новое штатное расписание появилось только в 1885 г., директору и старшим хранителям жалование было повышено вдвое, хранителям установлено в 2000 руб. Для сравнения любопытно отметить, что жалование директора Императорских театров было значительно выше (Обзор деятельности 1901: 371–375).

После смерти С. А. Гедеонова, в 1879 г. директором Императорского Эрмитажа был назначен А. А. Васильчиков, ранее служивший в дипломатическом ведомстве. При А. А. Васильчикове была принята и новая структура музея. Количество отделений осталось по-прежнему пять, но они были переименованы и реструктурированы. Первое стало именоваться Отделением классической археологии, или Отделением древностей. Было создано новое Отделение Средних веков и эпохи Возрождения. Еще три отделения составляли: а) живопись, гравюры и рисунки; б) нумизматика; в) русское искусство. В 1882 г. А. А. Васильчиков возглавил Императорскую Археологическую комиссию, что естественно привело к еще большему упрочению связей музея с комиссией. Именно в это время Археологическая комиссия переехала из Строгановского дворца в помещения Эрмитажа. В отличие от своих предшественников, и в музее, и в комиссии Васильчиков был довольно далек от археологии, занимаясь преимущественно русской иконографией и генеалогией. Нет сведений о том, что он когда-нибудь сам участвовал в раскопках. Тем не менее, внимание постоянному пополнению музея древностями он уделял большое. За время его руководства собрания древностей Эрмитажа, помимо материалов из раскопок, организуемых Археологической комиссией, наполнились такими великолепными приобретениями, как коллекции князей Ф. А. и М. А. Голицыных, П. А. Сабурова, А. Д. Блудова, И. Лебедева, И. И. Константинова, Е. Р. Запорожского, Е. М. Кирьякова. А. А. Васильчиков привлек для работы в музее таких крупных ученых, как египтолог В. С. Голенищев и византист Н. П. Кондаков. Он же нашел помощника, а в дальнейшем и преемника стареющему Л. Э. Стефани — Г. Е. Кизерицкого.

Изначально предполагалось, что Кизерицкий станет заменой Стефани и в Эрмитаже, и в Археологической комиссии. В музее так и произошло, поскольку в 1886 г. после смерти академика он занял его должность. Напротив, с Комиссией отношения у Кизерицкого оказались весьма прохладными, а порою и конфликтными (подробнее о Г. Е. Кизерицком см.: Тихонов 2012).

Полевым исследователем-археологом Г. Е. Кизерицкий никогда не был, являясь в большей степени искусствоведом и преимущественно кабинетным, музейным работником. Под его руководством в 1883 г. в музее был создан так называемый «Зал Никопольской вазы», представлявший памятники скифского искусства, и в начале 1890-х гг. подготовлен на немецком языке каталог экспозиции этого зала, оставшийся ненапечатанным (рис. 27). Ему же пришлось принимать и размещать в музее коллекцию бронзы и терракот, купленную у дипломата П. А. Сабурова, коллекции оружия и декоративно-прикладного искусства А. Б. Базилевского. В ходе своих работ по изучению и систематизации музейных коллекций Кизерицкий издал путеводитель и каталог по галерее

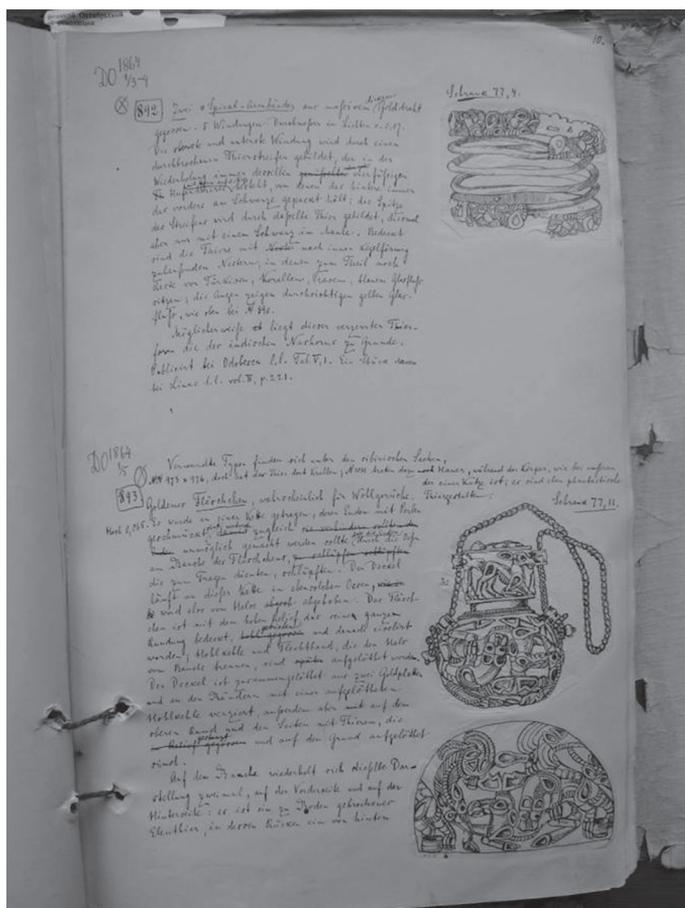

Рис. 27. Рукописный каталог Г. Е. Кизерицкого.

Fig. 27. G. E. Kizeritsky's handwritten catalog.

древней скульптуры, в основе которого лежал более ранний вариант С. А. Гедеонова 1860-х гг, дополненный фотографиями (рис. 28, 29).

В своем «Введении в археологию» С. А. Жебелев высказывал упрек хранителям Отделения древностей Эрмитажа за недостаточную работу по части публикации богатейших собраний музея (Жебелев 1923:141). Это должно было относиться, прежде всего, к Г. Е. Кизерицкому, поскольку его преемники Е. М. Придик и О. Ф. Вальдгауер были значительно более активны по этой части.

В 1900 г. Кизерицкий обращался с предложением к председателю ИАК А. А. Бобринскому о необходимости издания материалов по археологии России на немецком языке, чтобы они были доступны для европейских ученых. Ориентируясь на немецкоязычную науку, Г. Е. Кизерицкий оказался мало включенным в систему научных коммуникаций российской археологии. Например,

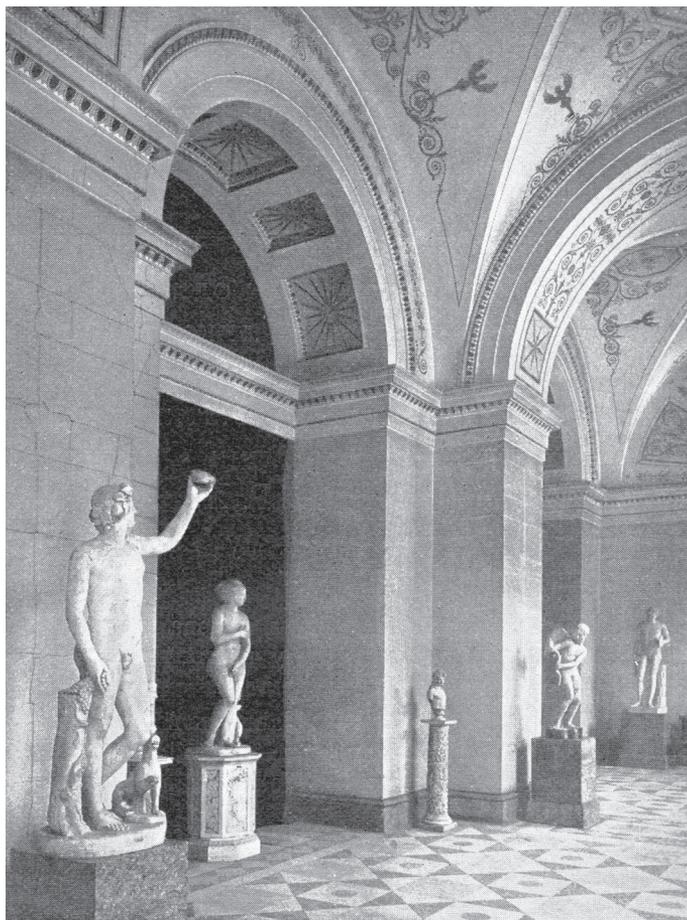

Рис. 29. Зал Эрмитажной Венеры. Фото из каталога 1901 г.

Fig. 29. Hall of the Hermitage Venus. Photo from the 1901 catalog.

являясь с 1891 г. членом Русского археологического общества, он ни разу не выступил с докладом на его заседаниях.

Весьма показательным являлся и тот факт, что на место хранителя Отделения древностей и классической археологии, освободившееся после добровольной отставки профессионального востоковеда — В. С. Голенищева, был принят барон П. Ф. Мейендорф — чиновник Министерства двора, инженер по образованию, занявшийся в музее в 1900–1913 гг. исключительно составлением инвентарей. Под стать ему были и другие сотрудники Отделения древностей: граф Р. Н. Стенбок — переписчик в 1901–1909 гг., занимавшийся также исключительно заполнением инвентаризационных бланков, и сменивший его до 1915 г. Ф. Э. фон Валь, инвентаризирующий собрание терракот и стекла. Ни одной научной работы ни один из них не оставил! Явно именно их имел в виду

в своей речи депутат III Государственной думы социал-демократ П. И. Сурков, когда говорил о представителях титулованной аристократии, занимающей си-некуры в Эрмитаже (Варшавский, Рест, 1969: 66–67). Как тут не вспомнить расхожую шутку начала XX в. о том, что на первом этаже Императорского Эрми-тажа, т. е. в Отделении древностей говорили исключительно по-немецки, а на втором — по-французски. Не очень лицеприятную характеристику Кизерицко-го привел в своих воспоминаниях В. Г. Дружинин, почему-то назвавший его по-ляком: «Постоянным посетителем Минцкабинета, пивший там чай и завтракав-ший с Иверсенем и Марковым был Г. Е. Кизерицкий. Он заведовал отделением классических древностей Эрмитажа, составил и напечатал каталог античных скульптур. Это был хитрый поляк, подлизывавшийся к директорам Эрмитажа, но, в общем, мало работавший» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 194).

После внезапной смерти Кизерицкого в канун 1904 г. пришлось взламывать витрины и шкафы отделения, поскольку его помощники даже не знали, где на-чальник хранил ключи, и совершенно не ориентировались в материалах отде-ления. Более того, О. Ф. Вальдгауер в 1906 г., разбираясь с материалами Отде-ления древностей, обнаружил в библиотечных шкафах и кладовых ряд вещей «имевших мировое значение, отчасти изданных в середине XIX в., но пропав-ших без вести, отчасти совершенно неизвестных: например, ваза с ласточкой, пелика с Артемидой, бронза с надписью Поликрата и другие весьма значитель-ные памятники» (Мавлеев 2005: 13). В данном контексте становятся более по-нятны и следующие строки из письма А. А. Бобринского Д. Я. Самоквасову от 9 июля 1906 г., когда на вопрос Самоквасова о том, где находятся найденные им в 1883 г. предметы византийского искусства из курганов Александровского уезда Екатеринославской губернии, председатель комиссии вынужден был от-ветить: «Вероятно, в Эрмитаже, но где именно? При этом позвольте заметить, что я не назначен директором Эрмитажа, но только председателем Археоло-гической комиссии, посему бессилен по отношению к золотым предметам, остающихся в кладовых Эрмитажа. Могу только обещать одно, что на будущее время, при распределении добытых раскопками или случайно найденных ве-щей между музеями России — буду осторожен, постараюсь не разъединять находок одной и той же местности и (между нами) направлять не в Эрмитаж все то, что рискует попасть в кладовые... За последние годы моя Комиссия de facto обратилась как бы в поставщика Эрмитажа. По положению же своему ей эта роль не предписана. По закону, государь указывает предметы, которые должны поступить в Эрмитаж. Остальные распределяются между музеями России. Как видите, простор большой и с будущего года думаю уже вступить в этом отношении на несколько иную дорогу» (Щавелев 2007: 89). Правда, следует отметить, что в другом случае Бобринской не соглашался с излишне резкими и категоричными оценками Самоквасова, типа «бесполезно для исто-рика большинство археологических материалов, хранящихся в Императорском Эрмитаже»; считал не заслуженными упреки графини П. С. Уваровой в адрес императорского музея по поводу хранения кавказских коллекций К. И. Оль-шевского, поскольку сам являлся свидетелем того, что коллекция была пере-путана и депаспортизована еще во Владикавказе (Там же: 91).

Тем не менее, за Г. Е. Кизерицким следует признать немалые заслуги по части получения новых археологических материалов для музея, организации

их экспонирования, учета и хранения, каталогизации. Он рьяно боролся за интересы Эрмитажа, не боясь вступать в спор с самыми высокими инстанциями. Так, например, когда в 1903 г. император Николай II пообещал герцогу Гессенскому изготовить слепки с наиболее ценных предметов древности, хранящихся в музее, Кизерицкий выступил резко против подобной инициативы, резонно считая, что это нанесет большой урон сохранности вещей (АГЭ Ф.1. Оп. 5. Д. 42. Л. 10).

Отделение Средних веков и эпохи Возрождения было создано в 1885 г., после передачи в Эрмитаж собрания оружия Царскосельского арсенала и покупки коллекции А. П. Базилевского. В его состав должны были входить и древности «относящиеся к первым векам христианства», вскоре выделились «в особые серии русские древности, не носящие характера классической культуры, а также и восточные древности (древний Сарай, Средняя Азия, Кавказ)». Это привело к некоторой неопределенности в вопросе, куда помещать находки, относящиеся к первым векам н. э., например, готские вещи, на которые претендовали оба отделения. Тем не менее, фонды нового отделения стали быстро пополняться археологическим материалом, тем более что с 1888 г. его возглавил Н. П. Кондаков, имевший, в отличие от других хранителей музея, немалый опыт по части археологических раскопок. В 1891 г. им был выпущен «Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения», в котором, наряду с произведениями средневекового искусства, приведено описание и экспонируемых археологических коллекций. Отмечая, что в отделение перешли из русского раздела нумизматического собрания все важнейшие клады IX–XIII вв., приобретенные Археологической комиссией, Кондаков также упоминает древности эпохи великого переселения народов, находки из могильников Кавказа, раскопок Сарая и полагает, что «в этой связи русских древностей с Востоком заключается важнейшая задача русской науки и наших археологических собраний» (Кондаков 1891: 8). А если учесть, что собственные научные интересы Кондакова охватывали вовсе не западноевропейское искусство, а Византию и Древнюю Русь (в это время он как раз работал над монографией, посвященной русским кладам, и совместно с графом И. И. Толстым — над томами «Русских древностей в памятниках искусства»), то не удивительно, что эти темы заняли доминирующее место в деятельности Средневекового отделения. В своих трудах Кондаков сумел перейти от описательного подхода к музейным коллекциям к рассмотрению их на широком историческом фоне в контексте всей истории искусства.

Ученик Кондакова Я. И. Смирнов, на рубеже веков пришедший в отделение, также был специалистом, прежде всего, по византийскому и восточному искусству. В этой ситуации не удивляет, что В. Ф. Левинсон-Лессинг даже считал, что Средневековое отделение в ущерб пополнения и изучения западных коллекций «стало развиваться... в плане разработки своих русских и восточных собраний, пополняемых случайными находками и материалами из раскопок, поступившими из Археологической комиссии» (Левинсон-Лессинг 1985: 219).

Одной из важных проблем развития отделения Средних веков и эпохи Возрождения был недостаток помещений, о котором уже давно докладывали хранители. «Более всего отделение страдает от недостатка в помещениях. Несмотря на крайне тесное размещение предметов в открытых для публики залах, весьма большое количество вещей остается недоступным для обозрения и пополняет

библиотечные комнаты и кладовые, в которых где только было возможно установлены полки и обвешаны предметами все стены», — сообщал директору музея Э. Э. Ленц в 1899 г. (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 31. 1900 г. Л.36). Здесь мы сталкиваемся с осознанием хранителями Императорского Эрмитажа необходимости организации специального фондового хранения, которое пришло только к концу XIX столетия. В подавляющем большинстве российских музеев фонды не были отделены от экспозиции, что создавало массу проблем и для самих хранителей, и для простых посетителей, и для исследователей (Алешковский 1971: 36).

Но главной проблемой отделения оставался крайне эклектичный характер его собраний, объединяющих предметы декоративно-прикладного искусства и Запада, и Востока. И это при том, что после создания отделения оно «пополнялось почти исключительно вещами, передаваемыми из Археологической комиссии, материал, который понемногу заполнил отделение», — докладывал своим коллегам Э. Э. Ленц, когда в июне 1918 г. на заседании Совета Эрмитажа обсуждался вопрос о передаче археологического материала в другие музеи или отделения Эрмитажа. 16 октября в отсутствие заболевшего хранителя отделения — авторитетнейшего Я. И. Смирнова, 10 голосами против одного было принято решение о соединении Средневекового отделения с отделением драгоценностей (Журналы 2001: 71, 164). В итоге к концу 1918 г. Средневековое отделение было реформировано и его археологические коллекции перешли в отдел древностей.

В 1917 г. при Отделении Средних веков и Возрождения была создана специальная химическая лаборатория, там стал работать вместе со своей дочерью химик В. В. Вейсенберг, с 1907 г. занимающийся в Эрмитаже чисткой и консервацией археологических предметов. Им были очищены вещи из Куль-Обы, Солохи, Чертомлыцкого, Келермесских, Артюховского, Майкопского курганов (Сотрудники... 2004: 36).

После внезапной смерти Г. Е. Кизерицкого Отделение древностей возглавил нумизмат и эпиграфист Е. М. Придик, до этого заведовавший в музее отделом древних греческих и римских монет. В качестве официального представителя Эрмитажа он участвовал в работе международных археологических конгрессов в Афинах (1905 г.), Каире (1909 г.), Риме (1912 г.). Изучая собрания отделения, он опубликовал комплекс находок из Мельгуновского кургана 1763 г. и каталог амфорных клейм Эрмитажа (Сотрудники... 2004: 121). Вместе с каталогами О. Ф. Вальдгауера эти издания ознаменовали начало нового этапа музейной каталогизации археологических собраний Эрмитажа, когда стали издаваться научные каталоги отдельных комплексов или категорий материала, а не простые перечни экспонатов в залах (рис. 30).

О взглядах О. Ф. Вальдгауера на новые принципы организации экспозиции Отделения древностей мы уже говорили выше. Были у ученого и новые мысли относительно модернизации системы учета, которая позволяла бы воссоздавать археологические комплексы, ранее делившиеся по материалу. В конце 1913 г. предлагалось при инвентаризации археологических предметов принять систему записи, аналогичную существующей в Британском музее. В марте 1917 г. на совещании по поводу переустройства Эрмитажа Вальдгауер предлагал выделить в особую секцию древности Причерноморья и Скифии (Мавлеев 2005: 12–13, 105–108). В марте 1918 г. на заседании Совета Эрмитажа при его активном участии рассматривался проект реорганизации Отделений

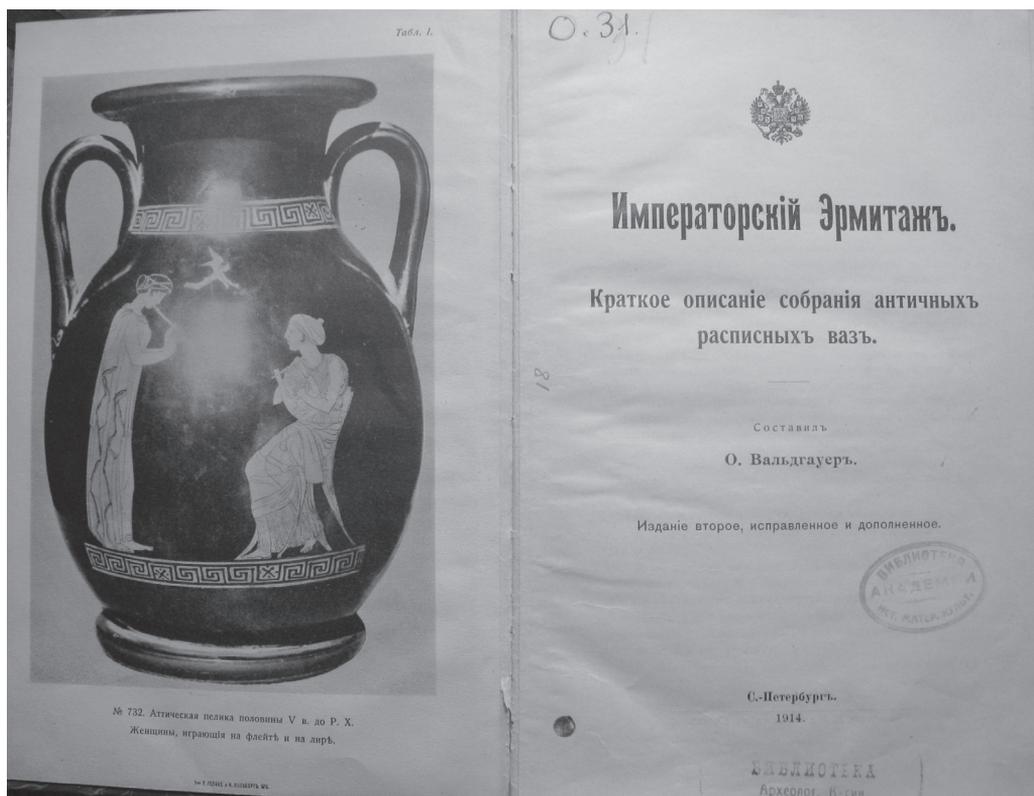

Рис. 30. Каталог античных расписных ваз, выпущенный О. Ф. Вальдгауером в 1914 г.

Fig. 30. Catalog of ancient painted vases, published by O. F. Valdgauer in 1914.

древности и Средневековья (Журналы 2001: 15). В дальнейшем О. Ф. Вальдгауер, в 1918 г. возглавивший Отделение древностей, продолжал выступать за разделение собрания античного искусства и археологических коллекций музея. Он даже предлагал создать особый музей археологии России (Мавлеев 1990: 188). В итоге Совет Эрмитажа принял решение об образовании, помимо I отделения Античного искусства, Отделения археологии России, которое включало бы в себя: 1. Отдел доисторических древностей; 2. Отдел древностей античного искусства с секциями: а) памятники, найденные в городках и некрополях, б) памятники, найденные в курганах и городищах, в) эпиграфические памятники; 3. Отдел древностей Византии с делением на памятники до и после Юстиниана; 4. Отдел русских древностей: а) памятники домонгольского периода, б) памятники после монгольского нашествия, в) русские древности XIV–XVIII вв. Штат нового отделения должен был состоять из двух хранителей и четырех ассистентов (Журналы 2001: 31, 77, 119–120; Пиотровский 2001: 51). Данная схема была очень далека от совершенства и отчасти дублировала материалы Античного и Средневекового отделений, поэтому не удивительно,

что в окончательном виде она не была введена. В 1920 г. вместо Отделения археологии России было сформировано Эллино-скифское отделение в составе Отдела древностей, а самостоятельный археологический отдел появился только в 1930 г. под именем Отдела доклассового и раннеклассового общества (Мавлеев 1990: 189; Пиотровский 2001: 45).

Одной из серьезнейших проблем музея оставалось небольшое число штатных сотрудников, оставшееся длительное время неизменным, в условиях постоянного роста археологических коллекций. Е. В. Мавлеев приводил цифру в 33 000 экспонатов Отделения древностей на начало XX столетия, отмечая, что сотрудников отделения было всего четыре человека, и высказывая предположение, что в европейских музеях для хранения и обработки такого количества экспонатов требовалось бы не менее 12 человек (Мавлеев 1990: 187). Но указанное количество экспонатов явно входит в противоречие с данными, содержащимися в отчетах музея, из которых следует, что уже к концу 1897 г. количество предметов, хранившихся в Отделении древностей, превысило 64 000 единиц хранения (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. 1896 г. Л. 4, 20–21).

В 1914 г. в отделение древностей для «упорядочивания инвентарной части» была принята выпускница Бестужевских курсов, ученица М. И. Ростовцева — М. И. Максимова (рис. 31), ставшая первой женщиной среди штатных научных сотрудников музея. Она занималась составлением инвентаря греческих ваз, найденных на Юге России, и эти занятия вылились в магистерскую диссертацию, защищенную в 1918 г. (Сотрудники... 2004: 104–105). В сентябре 1917 г. прошение о причислении к Эрмитажу подал Г. И. Боровко, но зачислен на должность ассистента Отделения древностей он был только в 1918 г. (Журналы 2001: 35).

* * *

Подводя итоги этого очерка, необходимо заметить, что археология за столетие проделала в Императорском Эрмитаже огромный путь: от небольшого числа «раритетов» придворного собрания в начале XIX в. до значительной части экспозиции, занимающей почти весь первый этаж крупнейшего художественного и историко-культурного музея мирового значения. Археологические собрания Императорского Эрмитажа за счет поступлений из раскопок на территории Российской империи пополнялись значительно интенсивнее, чем художественные коллекции (Толстой 2003: 31). В начале XX столетия в музей

Рис. 31. М. И. Максимова, с 1914 г. сотрудник Отделения древностей. Рисунок Э. К. Липгарта, 1918 г.

Fig. 31. M. I. Maksimova, member of the Department of Antiquities since 1914. Drawing by E. K. Liphart, 1918.

Рис. 32. Н. Е. Макаренко, сотрудник Отделения Средних веков и эпохи Возрождения в 1911–1919 гг. Рисунок Э. К. Липгарта, 1918 г.

Fig. 32. N. E. Makarenko, member of the Department of the Middle Ages and the Renaissance in 1911–1919. Drawing by E. K. Liphart, 1918.

стали поступать не только разрозненные коллекции, содержащие произведения искусства или изделия из драгоценных металлов, но и рядовой массовый материал из раскопок — фрагментированная керамика, железные ножи и наконечники стрел, грузики и т. п. (АГЭ Ф. 1. Оп. 5. Д. 40. 1901–1917 гг. Л. 1–31). Хранители древностей музея перешли от составления простых перечней экспонатов, каковые издавались в XIX в. в виде каталога Керченского зала (1864, 1872, 1886 гг.), к созданию и публикации подлинно научных каталогов отдельных частей собрания (Вальдгауер 1912, 1914а, 1914б), в том числе и такого массового и «не художественного» материала, как амфорные клейма (Придик 1917). В это же время появились путеводители, дающие подробное представление об археологической экспозиции музея и ориентированные на массового посетителя (Макаренко 1916) (рис 32, 33, 34).

В то же время положение музея в придворном ведомстве сковывало его развитие. Несмотря на статус публич-

ного музея, Министерство императорского двора стремилось постоянно использовать помещения Эрмитажа для своих нужд, в частности, организации дворцовых приемов и других мероприятий. Мелочная опека со стороны министерства приводила, например, к тому, что без его разрешения нельзя было произвести даже небольшие изменения в экспозиции. Скудость финансовых средств, отпускаемых на пополнение фондов, даже несмотря на двойное увеличение в предреволюционные годы, вынуждала отказаться от значительных покупок. Средства на собственные раскопки вообще не были предусмотрены в смете ежегодных расходов, да и учитывая крайнюю малочисленность сотрудников, вести их было бы просто некому. Весь научный персонал Отделения древностей в первые полтора десятилетия XX в. фактически состоял из двух человек, которые уже были не в состоянии справляться с постоянно возрастающим количеством археологического материала (Тихонов 2013а: 203–248).

Кардинальные изменения, затронувшие все сферы деятельности Отделения древностей Эрмитажа, произошли уже в новых условиях, после 1917 г. В составе отделения было выделено несколько подразделений, заметно увеличился штат научных сотрудников, которые приступили к созданию экспозиций нового типа, построенных на принципах историзма (Мавлеев 1990: 189–191). Интенсивная научная работа этих сотрудников привела к формированию на базе отделения крупного научно-исследовательского центра в области археологии. Выставка Эллино-скифского отделения, открытая в 1927 г. в залах первого

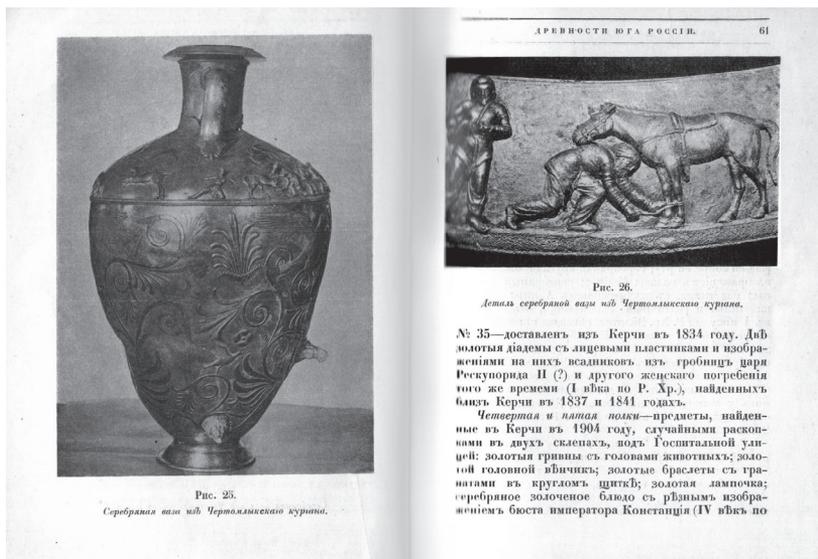

Рис. 33. Путеводитель по Императорскому Эрмитажу, выпущенный Н. Е. Макаренко в 1916 г.
 Fig. 33. Imperial Hermitage Guidebook, published by N. E. Makarenko in 1916.

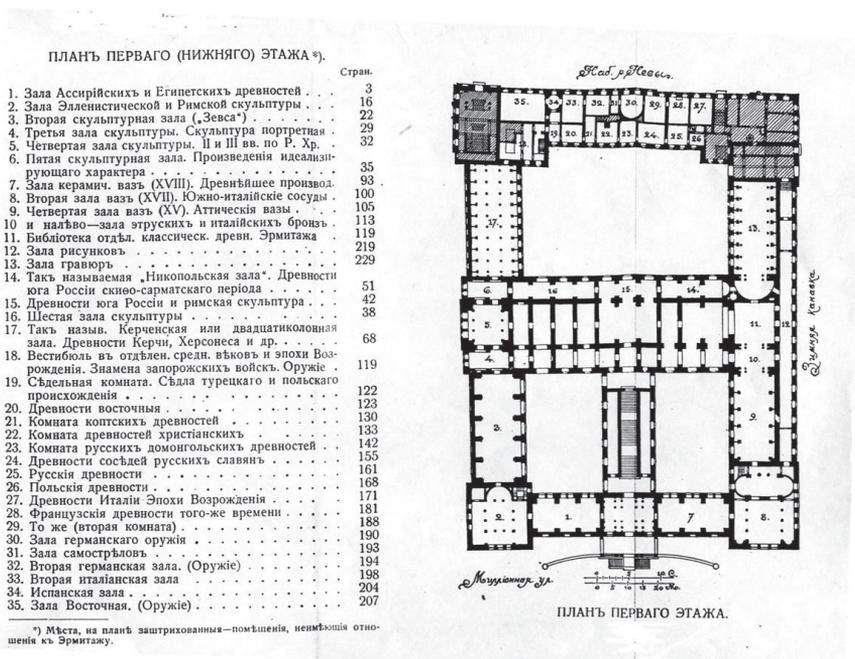

Рис. 34. План первого этажа Императорского Эрмитажа, 1916 г. (Макаренко, 1916).
 Fig. 34. Ground floor plan of the Imperial Hermitage, 1916 (Makarenko, 1916).

этажа Старого Эрмитажа (рис. 35), стала первой археологической экспозицией, отказавшейся от показа отдельных вещей — «раритетов», и начавшей демонстрировать цельные археологические комплексы для иллюстрации процессов культурно-исторического развития (Алексеев 1987: 66).

Деятельность Императорского Эрмитажа в дореволюционный период в области археологии свелась главным образом к накоплению колоссальных археологических коллекций и экспонированию многочисленных ярких произведений древнего искусства и, в сущности, не вышла за пределы традиционного для художественных музеев того времени художественного подхода к демонстрации древностей. Аналогичные крупнейшие музеи мира (Британский музей, Лувр, Метрополитен-музей) работали в ту эпоху в таком же стиле (Сокровища 1984; Hudson 1981). Хранители археологических коллекций Императорского Эрмитажа серьезно потрудились для формирования музейного фонда отечественной археологии и выработки принципов его хранения и экспонирования, но значительные изменения и структуры, и штатной численности, и принципов построения экспозиций и всей научной работы музея произошли только в 1920-е гг., в совершенно других социально-политических и общественных условиях.

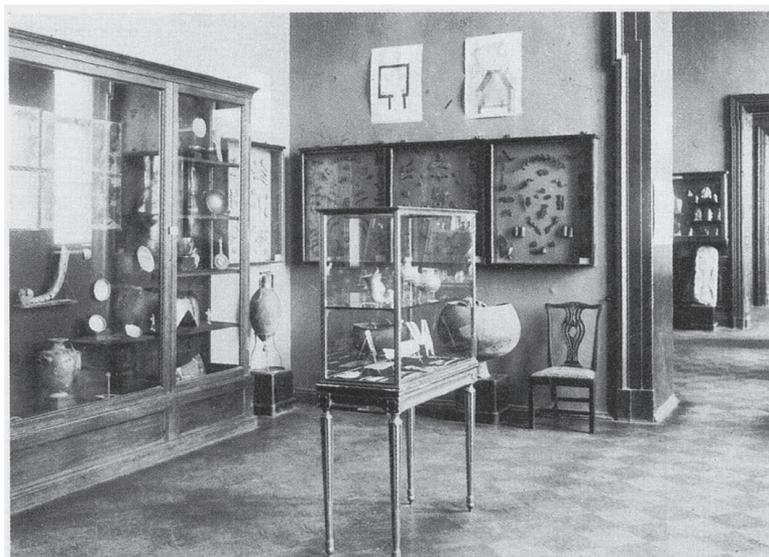

Рис. 35. Выставка Эллино-скифского отделения, 1927 г.

Fig. 35. The Exhibition of the Hellenic-Scythian Department, 1927.

Литература

- Алексеев А. Ю.* 1987. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года // Мавлев Е. М. (ред.). Античное искусство в советском музееведении. Сборник научных трудов. Л.: ГЭ, 59–66.
- Алешковский М. Х.* 1971. Очерк истории музейной каталогизации археологических источников (в связи с вопросом об эволюции форм научного описания музейных предметов) // Чистякова Е. В. (ред.). Обзоры научных каталогов памятников материальной и духовной культуры. М.: НИИ культуры, 33–63.
- Андросов С. О.* 2011. Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Анциферов Н. П.* 1992. Из дум о былом. Воспоминания. М.: Феникс, Культурная инициатива.
- Банк А. В.* 1960. Восточные собрания Эрмитажа (общая характеристика, основные линии исследования) // XXV Международный конгресс востоковедов. Л.: ГЭ, 5–28.
- Бильвина О. Л.* 2007. Частное коллекционирование произведений античного искусства в России (вторая половина XIX — первые два десятилетия XX в.). Дис. ... канд. искусствовед. наук. СПб.
- Вальдгауер О. Ф.* 1912. Краткое описание музея древней скульптуры. СПб.: Тип. Р. Голике и А. Вильборг.
- Вальдгауер О. Ф.* 1914а. Античные глиняные светильники. СПб.: Тип. Р. Голике и А. Вильборг.
- Вальдгауер О. Ф.* 1914б. Краткое описание собрания античных расписных ваз. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг.
- Варшавский С., Рест Б.* 1939. Эрмитаж. 1764–1939. Очерки из истории Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство.
- Варшавский С. П., Рест Ю. И.* 1969. Рядом с Зимним (Эрмитаж перед Октябрем). Л.: Советский художник.
- Власова Е. В.* 2003. Древности Боспора Киммерийского в Новом Эрмитаже // Вилинбахов Г. В. (ред.). Новый Эрмитаж. 150 лет со дня создания. Мат-лы юбилейной науч. конф. «Новый Эрмитаж». СПб.: ГЭ, 77–82.
- Воронихина А. Н.* 1983. Виды залов Эрмитажа и Зимнего дворца в акварелях и рисунках художников середины XIX века. М.: Искусство.
- Грач Н. Л., Маршак Б. И., Шукин М. Б.* 1989. Из истории археологических экспедиций Эрмитажа // Смирнова Г. И. (ред.). Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.: ГЭ, 3–8.
- Горюнов Т. В.* 1989. Египетский музей Академии наук // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб.: ГЭ, 15–16.
- Жебелев С. А.* 1923. Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Пг.: Наука и школа.
- Жиль Ф. А.* 1861. Музей Императорского Эрмитажа: Описание различных собраний, составляющих музей, с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и об образовании музея Нового Эрмитажа. СПб.
- Журналы* 2001 — Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть I. 1917–1919 годы. СПб.: ГЭ.
- Зимина О. Г.* 1989. Два документа по истории Эрмитажа в XVIII веке // Андросов С. О., Неверов О. Я. (ред.). История Эрмитажа и его коллекций. Л.: ГЭ, 6–13.

- ИАК 2009 — Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Императорский Эрмитаж*. 1864. Древности Босфора Киммерийского (Зала VII). СПб.: Тип. экспедиции заготовления государственных бумаг.
- Императорский Эрмитаж*. 1872. Древности Босфора Киммерийского (Зала VII). СПб.: Тип. экспедиции заготовления государственных бумаг.
- Императорский Эрмитаж*. 1880. 1855–1880. СПб.: Тип. Имп. Академии наук.
- Императорский Эрмитаж*. 1886. Древности Босфора Киммерийского. (Зала VII). СПб.: Типо-литография К. Ф. Далина.
- Каковкин А. Я. 1991а. В. Г. Бок: Коптская коллекция Эрмитажа // Шандровская В. С. (ред.). Византиноведение в Эрмитаже. Л.: ГЭ, 40–48.
- Каковкин А. Я. 1991б. Я. И. Смирнов // Шандровская В. С. (ред.). Византиноведение в Эрмитаже. Л.: ГЭ, 50–54.
- Керр А. К. 1889. Императорский Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Киев: Южно-русское кн. изд-во Ф. А. Иогансона.
- Кондаков Н. П. 1891. Императорский Эрмитаж. Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения.
- Коростовцев М. А., Ходжаш С. И. 1960. Владимир Георгиевич Бок // Авдиев В. И. (ред.). Очерки по истории русского востоковедения. Т. III. М.: Восточная литература, 119–125.
- Левинсон-Лессинг В. Ф. 1985. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л.: Искусство.
- Мавлеев Е. В. 1990. Отдел античного мира. Научная и экспозиционная деятельность // Эрмитаж. История и современность. М.: Искусство: 183–198.
- Мавлеев Е. В. 2005. Вальдгауер (Страницы истории Эрмитажа). СПб.: ГЭ.
- Макаренко Н. Е. 1916. Художественные сокровища Императорского Эрмитажа. Краткий путеводитель. Пг.: община св. Евгении.
- Марсадоллов Л. С. 1982. Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // Сборник Государственного Эрмитажа XLVII. Л.: ГЭ, 30–33.
- Муралыт Е. Г. 1853. Скифские древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже // Записки ИРАО V, 205–216.
- Неверов О. Я. 1990. История собирательства. Отдел античного мира // Эрмитаж. История и современность. М.: Искусство, 171–176.
- Обзор деятельности 1901. Обзор деятельности Министерства Императорского Двора и Уделов за время царствования в Бозе почившего Государя императора Александра III. 1881–1894. Ч.1. Кн. 2. СПб.
- Павлова Ж. К. 2010. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб.: Нестор-История.
- Пиотровский Б. Б. 1984. Отделу истории первобытной культуры — 50 лет // АСГЭ 25, 3–6.
- Пиотровский Б. Б. 2000. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М.: Искусство.
- Пиотровский Ю. Ю. 2001. ОДО — ОИПК — ОАВЕС. Предыстория // Отделу археологии 70 лет. СПб.: ГЭ, 45–52.
- Половцов А. В. 1904. Крупная утрата. Гангольф Егорович Кизерицкий 1847–1903. М.: Унив. Тип.
- Попов Р. С. (ред.). 1886. Путеводитель по России. Север. СПб.

- Придик Е. М.* 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания. Пг.: Тип. Рос. Академии наук.
- Сокровища* 1984. Сокровища Британского музея / сост. Ф. Фрэнсис; авт. текста Г. К. Дженкинс [и др.]; науч. ред., пер. с англ., авт. предисл. и примеч. В. Г. Луконин. М.: Планета.
- Сотрудники* 2004. Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917. Биобиблиографический справочник. СПб.: ГЭ.
- Спасский И. Г.* 1970. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика VIII, 123–234.
- Стефани Л. Э.* 1856. Путеводитель по античному отделению Эрмитажа // Пропилеи. Сб. статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Кн. V. М., 257–336.
- Тихонов И. Л.* 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Тихонов И. Л.* 2012. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г. Е. Кизерицкий // Мнемон. исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11, 419–438.
- Тихонов И. Л.* 2013а. История Российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII — первая четверть XX вв.). Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Тихонов И. Л.* 2013б. О способах приобретения причерноморских и кавказских древностей Императорским Эрмитажем // Марченко И. И. (ред.). Шестая Междунар. Кубанская археол. конференция: Мат-лы конф. Краснодар: Экоинвест, 403–407.
- Тихонов И. Л.* 2014 Археологическая экспозиция в Императорском Эрмитаже // Бесуднов А. Н. (ред.). Верхнедонской археологический сборник. Липецк: Изд-во Липецкого пед. ун-та, 21–35.
- Толстой Д. И.* 2003. Автобиография // Диаспора: Новые материалы. Вып. 5. СПб.: Феникс, 7–67.
- Трофимова А. А.* 2010. Программа реэкспозиции залов античного искусства // Трофимова А. А. (ред.). Музеи мира в XXI веке: реконструкция, реставрация, реэкспозиция. Мат-лы междунар. конф. СПб.: ГЭ, 67–81.
- Тункина И. В.* 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX вв.). СПб.: Наука.
- Уткина Л. М.* 2003. Накануне открытия Нового Эрмитажа: Отделение древностей в первой половине XIX века // Вилинбахов Г. В. (ред.). Новый Эрмитаж. 150 лет со дня создания. Мат-лы юбилейной науч. конф. «Новый Эрмитаж». СПб.: ГЭ, 72–76.
- Щавелев С. П.* (ред.). 2007. Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911). Курск: Изд-во Курского мед. ун-та.
- Эрмитаж.* 1981. Эрмитаж. История и коллекции. М.: Искусство; Флоренция: Альдо Мартелло Джунти Эдиторе.
- Hudson K.* 1975. A Social History of Museums: What the Visitors Thought. London: The Macmillan Press.
- Hudson K.* 1981. A Social History of Archaeology. The British Experience. London: The Macmillan Press.
- Notice* 1828 — Notice sur les principaux tableaux du musée impérial de L'Ermitage a Saint-Petersbourg. Berlin.